

КРИСТИНА АЗИМУТ

18+

НЕВЕСТА
ДЛЯ ДВОИХ

ЗАМУЖ ЗА ПОРОЧНОСТЬ

АННОТАЦИЯ

Помолвка — самый счастливый день в жизни любой девушки. Счастливее может быть только свадьба. Я тоже так думала, принимая поздравления и подарки от гостей и чувствуя себя на седьмом небе. Но главный подарок ждал меня от жениха... Я искренне считала, что моим первым мужчиной будет любимый, однако оказалось, он совсем не прочь поделиться мной с лучшим другом и моим сводным братом. Мне предстояло выйти замуж за порок и познать самые тёмные его грани, и спасения ждать неоткуда... Ведь жена во всём должна слушаться мужа, даже если муж — воплощение кошмара наяву. Пугающего, но такого притягательного.

В полуосвещённой гостиной плавали сизые клубы дыма от ароматных сигар, на стенах плясали отблески от огня в камине. В тяжёлом бронзовом канделябре оплывали три толстые свечи, бросая неверный свет на стол, за которым сидели двое. Перед ними лежали карты, на полу стояли пустые бутылки из-под вина — мужчины явно расслаблялись этим уютным вечером. И хотя они не были родственниками, между ними улавливалась едва заметная схожесть. Может, в одинаковых ленивых улыбках, или прищуренных взглядах — глаза одного имели тёмно-карий, почти чёрный цвет, у второго же пронзительно-синие. А может, их аристократические корни, отчётливо проступавшие в тонких, правильных чертах лица. И вместе с тем, мужчины были разными. У одного чуть более тяжёлый подбородок и жёсткая складка в уголках губ, у другого — наоборот, в движениях проскальзывало что-то кошачье, хищное, а раскосые глаза лишь добавляли сходства с опасным зверем. Оба были одеты по-простому, в рубашки и штаны.

— Ну что, по последней и расходимся? — выдохнув ароматный клуб дыма, спросил один из мужчин. — Время позднее, а завтра важный день, — его усмешка стала шире, а в тёмных глазах блеснул предвкушающий огонёк.

— Давай, — его приятель взял со стола хрустальный бокал и допил вино. — Ставка?

Породистое лицо мужчины приняло мечтательное выражение.

— На деньги скучно, — небрежно отозвался он, потом пристально посмотрел на партнёра, не переставая улыбаться. — У меня другое предложение...

Выслушав, синеглазый некоторое время молчал, рассматривая друга, а потом вдруг коротко хохотнул и кивнул.

— А знаешь, это будет интересно, — протянул он, мешая карты. — Признаться, я сам думал о чём-то подобном. Отличный подарок малышке будет на помолвку, — он снова усмехнулся, и на дне зрачков мелькнуло странное выражение.

— Раздавай, — темноглазый махнул рукой и стряхнул пепел с сигары.

Карты легли на стол, и игра началась...

— Джефф, а куда ты меня ведёшь? — со смехом спросила я, осторожно нащупывая дорогу перед собой носком туфельки — глаза мне закрывала плотная кружевная повязка.

— Терпение, любовь моя, осталось немного, — раздался голос жениха, и в нём я уловила нотки предвкушения. — Это мой подарок-сюрприз на нашу помолвку.

Сердце затрепетало от этих слов, а голова закружилась сильнее — и из-за выпитого шампанского на вечере, и от нахлынувших эмоций. Я любила сюрпризы, и Джеффри любила, и сегодня был приём, на котором он официально объявил о нашей скорой свадьбе. Душа пела при одной только мысли, и тело становилось лёгким-лёгким. Я выйду замуж за Джеффри Линса! Это невероятно, что один из самых завидных женихов города оказался ещё и лучшим другом моего сводного брата Джонаса и обратил на меня внимание. Последние полгода я жила, как в тумане, сладком, розовом тумане. Прогулки, цветы, подарки, комплименты — Джефф умел очаровывать и ухаживать, и конечно, я влюбилась. И теперь на моём пальце красовалось колечко с красивым крупным сапфиром, а весь город знал, что мы поженимся в ближайшем будущем.

— Ну можно хотя бы повязку снять, я боюсь упасть! — немного капризным голосом спросила я и потянулась к кружеву, но мою руку перехватили.

— Мари, Мари, — укоризненно произнёс Джефф, и в следующую минуту я тихо ойкнула, оказавшись у него на руках. — Вот так точно не упадёшь. И не трогай повязку, а то сюрприза не получится, и я расстроюсь! Ты же не хочешь, чтобы я расстроился, любимая? — чуть понизив голос, выдохнул Джефф мне на ухо, и его губы провели по моему виску.

— Н-нет, — слегка запнувшись, ответила я и послушно сложила руки, не пытаясь больше прикоснуться к кружеву.

Мимолётная ласка вызвала россыпь мурашек по всему телу, а в горле стало сухо. Близость Джеффри волновала несказанно, особенно в последнее время. Жених осмелел, и часто позволял себе не только обнять меня за талию, но и дарил невесомые поцелуи, пока достаточно целомудренные, конечно, и только когда мы оставались одни. Однако эти прикосновения заставляли всё существо замирать от неясного предвкушения, сердце трепетало пойманной бабочкой в груди, и сбивалось дыхание. Как и сейчас. Невозможность видеть обостряла остальные чувства, и особо остро я ощущала тонкий, терпковатый аромат, исходивший от Джеффри, тепло его тела — нас разделяло всего несколько слоёв тонкого муслина моего платья и рубашка жениха. Я прерывисто вздохнула, облизнула пересохшие от волнения губы и сцепила пальцы в длинных кружевных перчатках. Бесполезно пытаться добиться от Джеффа ответа, я уже успела понять, что мой любимый отличался твёрдым характером. Расстраивать и злить его мне тем более не хотелось, ненавижу, когда ругаются.

— Мы почти пришли, — сообщил Джеффри, остановился на мгновение, и я услышала тихий скрип открывающейся двери.

Всего на мгновение сердце ёкнуло — я же ничего не видела, но потом тревога прошла. Я в своём доме, где нет чужих, гости уже разошлись, только слуги убирают на первом этаже. Ну а то, что поздний вечер, а Джеффри ещё не ушёл — что в этом такого, они с Джонасом друзья, и жених часто оставался ночевать у нас. Да, я сирота, и мой опекун — сводный брат, поэтому приличия соблюдены. И вообще, мы скоро поженимся, можно и отступить немножко от приличий. Никто же не узнает, если что, а с Джеффом я уже оставалась

наедине, ничего *такого* он себе не позволял. Даже целовал, всего лишь легко прикасаясь к моим губам. И мне нравилось, да!

— Ну вот, — меня поставили на ноги, и я вынырнула из мечтаний. — Пойдём, Мари.

Джеффри взял за руку и куда-то повёл, и снова ужасно захотелось снять повязку, но я сдержалась. Только приподняла подол платья, чтобы не споткнуться. Сердце уже колотилось где-то в горле, в животе образовалась пустота, и мне казалось, я вот-вот взлечу, такая лёгкость образовалась в теле. Волнение всегда действовало на меня странным образом.

— И что за сюрприз?.. — я не договорила.

— Сейчас, — и снова эти нотки предвкушения в голосе Джеффри! — Садись, Мари.

Меня вдруг обхватили за талию и потянули вниз, я не удержалась и почти упала — на диван, и с моих губ сорвался тихий взглас. Тут же я почувствовала, как ладонь жениха аккуратно обхватила мои запястья, и он придвинул меня ближе, так и не убрав руки с талии.

— Ну что ты, малышка, я рядом, — успокаивающе произнёс он, и тёплые губы мягко прижались к моей щеке. — Подожди, сейчас...

Джефф отпустил меня, и я напрягла слух, изнывая от любопытства: ну что, что же он приготовил мне?! Тихонько вздохнула, нетерпеливо поёрзала, и тут услышала негромкое журчание. О? А через несколько мгновений к моим губам поднесли край бокала.

— Выпей. За нашу помолвку, любовь моя, — Джеффри снова обнял, привлекая ближе.

Я поспешно нацупала ножку, сделав глоток сладкой, густой жидкости, и хотела отставить — вино было вкусным, но я пила мало, и за сегодняшний вечер мне хватило шампанского. Голова и так кружилась от обилия впечатлений и эмоций.

— Нет-нет, Мари, до дна, — возразил Джеффри, и бокал снова оказался у моих губ.

Возразить не успела: пришлось пить, иначе бы вино пролилось мимо рта. Ох...

— Ты хочешь напоить меня, а потом воспользоваться моей беспомощностью? — игриво спросила я, повернув голову в сторону сидевшего рядом жениха.

Вместо ответа Джеффри поцеловал. И для меня явилось полной неожиданностью то, что поцелуй вышел *настоящим*. Страстным, напористым, жадным. Губы жениха крепко прижались к моим, язык слизнул капли вина и настойчиво раздвинул, проникая внутрь, и я настолько растерялась, что позволила ему сделать это. Было горячо, даже жарко, наши дыхания смешались, и то, что я ничего не видела, придавало пикантности происходящему. Я не знала, что мне делать, и потому лишь беспомощно замерла, послушно шире открыв рот, несильно упёршись ладонями в грудь Джеффри — но, похоже, ему это совсем не мешало. Захваченная новыми, необычными и яркими впечатлениями, я невольно подалась навстречу, подчиняясь руке на спине, прижимавшей ближе. Когда язык Джеффа коснулся моего, побуждая ответить, включиться в откровенную игру, я лишь судорожно вздохнула, невольно напрягшись.

С телом происходило что-то странное, пугающе-приятное. Оно плавилось, становилось податливым, словно разогретый воск, по нему безостановочно бегали мурашки, собираясь внизу живота горячей тяжестью. Грудь болезненно ныла, а соски остро пульсировали, сделавшись слишком чувствительными. Тонкий муслин казался грубой дерюгой, раздражал и причинял неудобство. Голова кружилась всё сильнее, мне казалось, я падаю спиной в пропасть, откуда нет возврата...

Джеффри отстранился, и я тихо всхлипнула, обмякнув в его руках, сердце колотилось в груди с неистовой силой, грозя вырваться на волю.

— У тебя такие сладкие губы, любовь моя, — прошептал Джефф хрипло, и его пальцы

провели по ним, припухшим от этого сумасшедшего поцелуя. — Я уже предвкушаю, как научу тебя ими пользоваться, — добавил он ещё тише, и я несильно вздрогнула, сглотнув сухим горлом.

Почему-то это прозвучало донельзя откровенно и многообещающе, меня снова бросило в жар, и я облизнула губы, которые закололи сотни невидимых иголочек.

— Джефф... — выдохнула я, не зная, чего хочу больше: уйти отсюда или всё-таки остаться, и мои руки неосознанно метнулись к глазам, снять повязку наконец.

Кажется, я начала догадываться, что за сюрприз приготовил мой жених, и страх смешался с любопытством. Я ничего не знала о том, что происходит между мужчиной и женщиной, брат не рассказывал, а пожилая экономка лишь краснела и отмахивалась, говоря, что после свадьбы сама узнаю. Но, похоже, Джеффри решил не ждать до неё... И узнаю я всё гораздо раньше.

— Ш-ш-ш, — прервал меня жених, снова ловко поймав мои руки и не дав коснуться кружева. — Малышка, ты мне веришь? — шепнул он, и я почувствовала, как Джеффри начал медленно стягивать с моих пальцев перчатки.

— Д-да, — слабым голосом ответила я, откинувшись на спинку дивана и ловя ртом воздух — освобождая от плена кружева, Джефф подносил каждый пальчик к губам и нежно целовал, щекоча языком подушечку.

А потом тихонько дул, и от резкого контраста тёплых губ и прохладного воздуха от шеи до пяток гуляли волны дрожи. Обрывки мыслей кружились разноцветной каруселью, я утонула в ощущениях, щедро приправленных лёгким опьянением — всё же, целый бокал выпила. Закончив с одной рукой, Джеффри принялся за другую, и я сама не заметила, как мои вздохи стали судорожными, а зубы то и дело прикусывали нижнюю губу.

— Вот и хорошо-о, — мурлыкнул мне на ухо Джеффри, поцеловав напоследок тонкую кожу на запястье и снова ненадолго отстранился. — Выпей ещё, Мари, любовь моя, вижу, тебе надо, — со смешком добавил мой жених и поднёс бокал к моему рту.

— Н-не... — договорить не успела, хрустальный край оказался между моих губ, и на язык потекло густое, пряное вино.

Пришлось выпить и этот бокал, и несколько капель всё же стекли по подбородку, однако стереть их мне опять не дал Джеффри.

— Я сам, — мягко произнёс он, поймав мои пальцы, и...

Мои губы снова оказались в плену настойчивого рта жениха, но ненадолго: его язык, собрав капельки вина в уголках, спустился ниже, а потом повторил путь винной дорожки по шее. Кожу обсыпало мурашками, я тихо ахнула от неожиданности и дёрнулась, обнаружив, что Джефф так и держит мои пальцы, не давая рукам воли, а потом... О, господи. Пощекотав ямочку между ключицами, он проложил дорожку из влажных поцелуев до самой ложбинки, прикрытой кружевом довольно низкого декольте, и я почувствовала, как вспыхнули щёки. И ещё, внизу живота стало как-то жарко и странно, я непроизвольно стиснула колени и едва не охнула от прошившей меня молнии наслаждения. Что это?..

— Д-джеф... — пробормотала, судорожно вздохнув, и тут же оказалась в крепких объятиях.

— Ты же мне веришь, любимая, — горячо прошептал он, и такой же горячий, как дыхание, язык обвёл край моего ушка, обрушив на меня новую лавину переживаний.

Меня затрясла дрожь, и я не сразу обратила внимание, что мои руки оказались за спиной, и поняла это, только почувствовав, что... Джеффри их зачем-то ловко связывает

какой-то странно знакомой шершавой материей. При этом его губы блуждали по моей шее чуть ниже мочки, отвлекая и рождая вспышки разноцветных точек перед глазами, и я едва сумела выговорить:

— Пос-стой... А зачем ты мне руки связываешь, Джефф? — из груди вырвался смешок, я уже ощущала, как алкоголь туманит голову — видимо, вино оказалось слишком крепким.

А ещё, откровенные прикосновения и поцелуи жениха. Моё дыхание давно стало тяжёлым и неравномерным, казалось, в теле не осталось ни одной целой кости, до того оно стало мягким и податливым. Странная, сладкая нега блуждала по нему, отзываясь в животе болезненным потягиванием, а соски тяжело пульсировали, и наверняка тонкий муслин платья уже натянулся слишком откровенно... Фасон с завышенной талией не предполагал корсета, и под нарядом у меня было только лишь бельё, чулки и панталоны, как обычно. На сегодняшний вечер я впервые надела такое откровенное платье, с низким декольте, всего на полсантиметра выше розовых ареол.

— Доверься мне, малышка, — снова повторил Джефф, осторожно укладывая меня обратно на диван и отстраняясь. — Я не обижу тебя, я лишь хочу сделать тебе хорошо... Очень хорошо...

Думать становилось с каждой секундой всё тяжелее, вино туманило голову и лишало сил к сопротивлению. Разбуженный Джеффри пожар сжёг все робкие мысли о том, что происходит что-то странное. Я длинно выдохнула и расслабилась, откинув голову на спинку и не пытаясь больше дёргать связанные за спиной руки. По телу растекалась слабость, сердце неровно билось в груди, а ещё, стало просто невыносимо жарко. И тут чей-то палец медленно-медленно провёл вдоль декольте, отводя кружево и скользя по болезненно чувствительной коже, нежно погладил ложбинку и... коснулся напрягшегося соска, прямо через ткань.

— А-ах... — сорвалось с моих губ, непослушное тело выгнулось навстречу слишком откровенной ласке, и тут же мой рот накрыл очередной жадный поцелуй.

Такой, будто Джеффри целовал меня в первый раз, ненасытный, жадный и почти грубый. Губы тут же заныли от напора, голова закружилась ещё сильнее, лишая ориентации вдобавок к повязке на глазах, и от острого ощущения беспомощности меня как огнём опалило. Я же в полной власти Джеффри, получается, и он может сделать со мной всё, что захочет... Стоп. Мне показалось, или он успел пересест? Потому что тот, кто меня сейчас так непристойно и страстно целовал, прижимался ко мне с другого бока. И ещё, его палец настойчиво продолжал поглаживать сосок, слегка нажимая, и то, как он тёрся об ткань, посылая волны острых уколов удовольствия, неожиданно понравилось... И всё-таки, когда мой жених успел пересест?

— Джефф... Подожди... — пролепетала я пересохшими губами, несильно дёрнувшись, сквозь дурман опьянения и странной неги пробивалась смутная тревога.

— Тише, тише, любовь моя, — раздался около уха хриплый шёпот, и я снова вздрогнула — на несколько мгновений показалось, это не голос Джеффри, но другой, ужасно знакомый. — Всё хорошо, Мари, расслабься...

Я почувствовала, как его ладонь обхватила мою ноющую грудь, а палец отодвинул тонкую ткань, освобождая наконец из плена вершинку, и нежно, едва касаясь, обвёл напряжённую горошину. С моих губ сорвался тягучий стон, тело выгнулось навстречу, и мне достался ещё один поцелуй в уголок рта. Очередная волна ярких эмоций смыла зашевелившиеся сомнения, и краем сознания я уловила, как вторая ладонь скользнула мне на спину, начав расстёгивать пуговички на платье. Кажется, меня раздевают...

Смутиться или возразить не успела: ласкавшая грудь ладонь уверенно нырнула в вырез, окончательно стягивая муслин, и мягко сжала полушарие, отчего я всхлипнула, сильно прикусив губу. Я терялась в охвативших переживаниях, тонула в них, тело дрожало, напряжённое до предела. Мышцы внизу живота то и дело скручивал сладкий спазм, отдававшийся между ног горячими вспышками. Это и пугало своей новизной и непонятностью, и притягивало, хотелось продлить эти ощущения, сделать их ещё сильнее, глубже. Только как, я не знала. Руки невольно судорожно сжимались в пучки, натягивая их в бессознательной попытке освободиться, и от этого собственная беспомощность чувствовалась ещё острее. Она добавляла пряную, обжигающую нотку в происходящее, капельку страха от неизвестности.

Лиф платья совсем ослаб, из чего я заключила, что Джеффри справился с пуговичками, и дальнейшее подтвердило мои догадки.

— Вот так... Так будет лучше... — ткань стремительно поползла с моих плеч, оголяя уже всю грудь, и тут я осознала, что голос жениха звучит с другой стороны.

Нет, мне не показалось. Кроме Джеффа тут есть кто-то ещё, это точно! Я попыталась выбраться из вязкого болота ощущений и эмоций, круживших голову, тревога холодком прошла по телу, тут же покрывшемуся мурашками.

— Стой... Стой, мы не одни? — сипло прошептала я, повязка на глазах и связанные руки ужасно мешали, но как назло, туман в голове не проходил, и слабость растекалась до самых кончиков пальцев.

Моих ушей коснулся тихий смех — справа, где сидел мой жених, и тут же сильные руки крепко обняли за талию, увлекая за собой куда-то назад, опрокидывая меня на спину. Паника молоточками застучала в висках, я слабо вскрикнула, ослеплённая и беспомощная, не понимая, что происходит и почему Джеффри принёс меня в гостиную, где ещё кто-то был. И позволил этому кому-то так бесстыдно прикасаться ко мне, ласкать и целовать...

— Джефф... Пожалуйста... — с трудом выговорила я, сердце металось в груди пойманным зверьком. — Развяжи, мне страшно...

— Любовь моя, успокойся, — горячо зашептал жених, устраивая меня поудобнее на спине и продолжая крепко обнимать. Его губы прошли по моей шее, задели мочку, слегка прихватив и нежно сжав, и снова неожиданные эмоции заставили громко охнуть, несмотря на поселившийся в животе страх. — Видишь ли, Мари, ты чудная, прелестная девушка, —

ладонь Джеффа по-хозяйски огладила мою грудь, задев твёрдые соски и подарив ещё одну острую вспышку странного наслаждения. — И я безумно рад, что ты станешь моей женой...

Вдруг ладонь жениха пропала, и в следующий момент к моему ужасу напряжённой вершинки легко, почти неощутимо, коснулся чей-то язык. Не Джеффа. Боже, кто это?! Я всхлипнула и прикусила губу, дрожа и не понимая, от чего: от бродивших ли по телу жарких ощущений, которым ничуть не мешала паника, или от чёткого осознания, что ко мне сейчас прикасается другой мужчина... На глазах у жениха. И тело откликается на эти прикосновения, несмотря на страх и замешательство.

— Но видишь ли, Мари, любовь моя, — в шёпоте Джеффа послышалось лёгкое сожаление, а тот, второй, между тем, продолжал языком играть с моим соском. Лизнул, потом обвёл вокруг, оставляя мокрый след на коже, потом снова подразнил едва ощутимыми, быстрыми прикосновениями — это отвлекало, волновало и заставляло тяжело дышать. — Я предпочитаю опытных женщин, которые умеют получать удовольствие в постели с мужчиной...

Именно в этот момент чужие, горячие губы накрыли мою грудь и втянули вершинку в жадный рот, глубоко и сильно. Почти больно, но к моей полной растерянности, ещё и приятно. Мои глаза под повязкой широко раскрылись от жаркой волны и острых иголочек наслаждения, очередной всхлип сорвался с искусанных, припухших губ. Что там Джефф говорил сейчас? Ему нравятся опытные женщины?.. Что это значит?!

— Н-но... — беспомощно выговорила я, невольно выгибаясь под почти грубой лаской неизвестного, руки снова сжались в путах в инстинктивной попытке высвободиться.

— И я знаю, кто нам поможет, — мурлыкнул Джефф, и его ладони медленно провели вдоль моего тела, остановившись на бёдрах. — Тебе ведь нравится, Мари, любовь моя?

С моих губ готов был сорваться протестующий взглас, внутри всё сжалось от растерянности и отчаяния, непонимания происходящего. И так странно, пугающе было одновременно чувствовать растекающийся по рукам и ногам жар, сладкую истому, туманившую разум и настойчиво шептавшую просто не думать ни о чём и наслаждаться происходящим. Никто ведь не узнает... Но я не успела возразить словам Джеффа, второй мужчина, ладонью сжав одну мою грудь, вдруг зубами чувствительно, но аккуратно прихватил ставший каменным сосок и оттянул его, легонько пощекотав языком. Новая волна боли пополам с удовольствием утащила за собой в тёмную бездну, и я тихо захныкала, заёрзав в странном нетерпении получить больше.

Боже, мне нравилось. Было страшно, стыдно, непонятно, но жар от раздраженной груди стекал вниз, к животу, и между моих крепко стиснутых ног всё горело и пульсировало. Но я не скажу, нет, я не признаюсь ни за что!..

— К-кто здесь?.. — смогла всё же выдавить из себя, тело сотрясало от дрожи.

Неизвестный оставил в покое мою грудь, и к вороху эмоций примешалось разочарование. Чьи-то пальцы провели по моему лицу, коснулись кружевной повязки...

— Я хочу видеть твои глаза, Мари, — тот самый хриплый шёпот, показавшийся знакомым, и сейчас я почти узнала его.

Но не хотела верить, нет. Не может этого быть, не может, что так откровенно ко мне прикасался... В один момент кружево сдёрнули, и мой ошалевший, затуманенный взгляд встретился с тёмными глазами, на дне которых плескалась порочная бездна. Джонас. Мой сводный брат. Это он целовал и ласкал мою грудь так, что у меня кружилась голова и появлялась слабость во всём теле. Это он сейчас смотрел с таким голодом, что мне на

несколько мгновений стало страшно.

— Нет... — прошептала я непослушными губами, не в силах отвести взгляд. — Н-нет, нет... Это не ты...

Джонас медленно, многообещающе улыбнулся и обхватил ладонями моё лицо, наклонившись низко-низко, так, что его горячее дыхание обжигало рот.

— Я, Мари, — проникновенно ответил он и погладил большими пальцами мои щёки, стирая мокрые дорожки — я и не заметила, как по ним скатились две слезинки. Внутри всё перевернулось от осознания происходившего. — Я так давно мечтал об этом, девочка моя, не представляешь, — его губы легко коснулись моих, и отвернуться не получилось. Я зажмурилась, желая оглохнуть, из уголков глаз снова потекли слёзы. — С тех пор, как случайно увидел тебя два года назад, когда ты переодевалась у себя...

Два года назад мне исполнилось шестнадцать. Господи, Джонас подглядывал за мной?! Не хочу, не хочу об этом думать!

— А вчера мы играли в карты вечером, — подхватил Джеффри, и я с ужасом ощутила, как ладони жениха медленно заскользили по моим бёдрам вверх, поднимая тонкий муслин платья. — И так вышло, что я проиграл твоему брату, Мари, — язык Джеффа провёл влажную дорожку по моей шее, зубы слегка прихватили кожу. Меня опять затрясло... Хотелось бы, чтобы от отвращения, но я не умела врать себе. Туман в голове не проходил, а тело принимало ласки с превеликой охотой, послушно откликаясь на прикосновения и поцелуи. — Знаешь, что именно?

Я уже догадывалась, но по-прежнему не хотела верить, что это происходит со мной, здесь, сейчас. Ведь этот вечер должен был стать самым счастливым в моей жизни... Ладони Джонаса неторопливо спустились обратно на грудь, мягко помассировали, пальцы потеревали соски и довольно сильно сжали горевшие огнём вершинки. Я охнула, глаза сами широко распахнулись, а внизу живота всё сжалось, окунув в жаркий водоворот. Между тем, платье неумолимо ползло вверх, обнажив уже мои ноги почти до колен...

— Твою девственность, любовь моя, — хрипло выдохнул на ухо Джефф, и к моему отчаянию, внутри всё затрепетало от сладкого ужаса и — предвкушения. — Джон станет твоим первым мужчиной, Мари, сегодня, сейчас. Тебе же понравилось, любимая, правда? Ты так стонала...

— Не закрывай глазки, милая, — бархатным голосом попросил Джонас, но в его тоне слышался приказ, послушаться которого я не посмела.

Он отстранился, выпрямился, не отрывая от меня горевшего тёмной страстью взгляда, с его губ не сходила довольная усмешка. Джон одним движением снял рубашку — камзола на нём уже не было, и я снова всхлипнула, сглотнув вязкий ком в горле.

— Н-не надо, пожалуйста... — прозвучало беспомощно и как-то совсем умоляюще, и я поняла, что зря это сказала.

Почти чёрные глаза Джонаса вспыхнули, усмешка стала шире. Он наклонился, опёршись о спинку дивана и всматриваясь в моё лицо, а я старалась не опускать взгляд ниже его подбородка. Обнажённое тело сводного брата я видела первый раз, да вообще, впервые в жизни, и... это волновало против воли, притягивало и рождало нездоровое любопытство, от которого подводило живот.

— Ты не ответила на вопрос, Мари, — тем же бархатным тоном произнёс Джон, легко коснувшись кончиком пальца моих провокационно торчавших и очень чувствительных сосков. — Тебе понравилось то, что я с тобой делал?

А Джеффри, между тем, уже поднял платье почти до подвязок на чулках... Я помотала головой, отчаянно не желая признаваться в своей постыдной слабости, слёзы снова смочили щёки, и с губ сорвался слабый всхлип. Джонас негромко рассмеялся, отчего по телу разбежались колкие мурашки, потом опустился на диван, обхватив мои почти обнажённые ноги и положив их себе на колени. При этом ладонь сводного брата словно невзначай погладила коленку, и я неосознанно сильнее сжала их, хватая ртом густой, плотный воздух. Меня раздирали противоречивые желания, одурманенное сознание никак не хотело смириться с происходящим, но сопротивляться распаленному телу становилось с каждой секундой сложнее. Даже несмотря на страх, замешательство и стыд от осознания, насколько неправильно всё то, что со мной делают.

— А твоя грудь говорит мне о другом, — мурлыкнул Джон, снова погладив вершинку и слегка нажав на неё. — Знаешь, как легко проверить, что ты врёшь, малышка? — он наклонился к моим приоткрытым от тяжёлого дыхания губам и провёл по ним подушечками. — Между твоих ножек уже давно всё жарко и влажно, правда, Мари? Давай, посмотрим?

Я ощутила обжигающее прикосновение ладоней Джеффри на бёдрах, даже через тонкий батист панталон, и поняла, что платье больше не скрывает моих ног и... низа живота.

— Ну же, любовь моя, — хриплый шёпот жениха прошёлся по натянутым нервам жёсткой щёткой, и у меня вырвался очередной невнятный всхлип. Перед глазами всё плыло, и от эмоций, и от навернувшихся слёз. — Я чувствую, ты хочешь... Раздвинь ножки...

Его ладони надавили, вынуждая раскрыться, я выгнулась, не сдержав тихого стога отчаяния, но моё слабое сопротивление было очень быстро сломлено. Особенно, когда к Джеффу присоединился Джонас. Вдвоём они легко развели мои колени, непристойно широко, одну прижав к спинке дивана, а вторую крепко держал Джеффри, закинув свою ногу сверху. Боже... Я чувствовала себя распятой бабочкой в руках двух ненормальных исследователей, и самое ужасное, что возбужденное возбуждение не желало проходить. А Джонас, нависнув, с такой жадностью рассматривал открывшееся его взгляду, что я не выдержала, всё же зажмурилась и отвернулась, глотая слёзы. Не хочу, не хочу это видеть!.. Но чувствовать прикосновения я себе не могла запретить, и... они рождали тёмное, болезненно-приятное наслаждение, лишь усиливавшее моё глухое отчаяние. Мелькнула мысль, что, наверное, Джеффри что-то добавил в вино. Потому что не могла я *сама* так реагировать, не могла!

— М-м-м, знаешь, мне нравится, — вкрадчиво прошептал Джонас, и его пальцы легко провели поверх тонкой ткани панталон, едва прикрывавшей самое сокровенное место, сейчас открытое его порочному взгляду.

Я задохнулась от нового приступа стыда — батист в самом деле стал влажным, это я тоже чувствовала. Моё тело постыдно предавало, опоенное неизвестно чем, а разум метался в клетке, заходясь от ужаса. Больше всего пугала собственная беспомощность, и то, что дальнейшее неизбежно. Джонас сделает то, о чём говорил, и мне остаётся только... смириться?

— Мари-и-и, открой глазки, — настойчиво зашептал Джеффри, и уже его ладони оказались на моей груди, начали довольно сильно мять и чувствительно сжимать напряжённые соски, заставляя их пульсировать от болезненного удовольствия. — Непослушная девочка...

С очередным стоном не то отчаяния, не то наслаждения, я разлепила мокрые ресницы, уставившись невидящим взглядом в потолок. По дрожавшему телу гуляли волны жара, закручиваясь обжигающей воронкой там, где сейчас блуждали бесстыдные пальцы Джонаса. И ещё, я вдруг почувствовала, как к моей попке прижимается что-то твёрдое, на чём не слишком удобно лежать. Что это такое?..

— Знаешь, пожалуй, я не буду раздевать тебя до конца, — между тем, мурлыкнул мой сводный брат, отвлекая от странных ощущений, и... его пальцы скользнули в разрез панталон, просто раздвинув влажную ткань в стороны. — Ты смотришься чертовски соблазнительно и непристойно... Вот та-ак, — тягуче произнёс он, гипнотизируя меня своим тёмным взглядом. — Тебя же никто здесь не касался, малышка?

Боже, боже. Лицо обдало огнём, будто на него дыхнул раскалённый ветер из пустыни, я думала, сгорю со стыда, чувствуя, как Джонас мягко поглаживает меня *там*. И... его пальцы задевали что-то, какую-то точку, отчего меня то и дело выгибало от вспышек острого удовольствия. И уже было всё равно, что это делает мой сводный брат, которому я верила. Что у меня связаны руки, я полураздета, и руки жениха, которого любила до недавнего

времени, жадно оглаживают и мнут мою грудь, добавляя переживаний. Всё смешалось, и я не могла разобрать, катятся ли из моих глаз слёзы наслаждения или отчаяния...

— Отвечай, Мари, любовь моя, — напомнил Джефф, и его зубы довольно сильно сжали мочку уха.

— Н-нет!.. — послушно ответила я, задыхаясь в их умелых и бесстыдных руках. — Н-не касался...

— О-о-о, — с шумом выдохнув, отозвался Джонас, и его тёмные глаза полыхнули огнём, а от развратной ухмылки у меня внутри всё задрожало.

От предвкушения.

— Маленькая, а ты готова, — с явным удовольствием сообщил он, и пальцы продолжили перебирать и ласкать мягкие складки, проникая с каждым движением всё дальше. — Такая горячая, мокрая...

Мне казалось, кожа на лице сейчас сгорит от его слов, а самое ужасное, что мои бёдра начали подаваться вперёд, навстречу руке Джонаса, раскрываясь шире. И хотелось, чтобы он прикасался к той самой точке ещё и ещё, чаще, нежнее, погружая глубже в сладкую негу. В ней тонули мысли, в ней растворялся страх и отчаяние, и оставался лишь стыд, упорно не сдававший позиции. Последнее, за что я цеплялась, чтобы не сорваться окончательно в пропасть порока, куда меня настойчиво тянули Джеффри и Джонас, явно наслаждаясь происходящим. И тем, как я отвечала на их ласки и поцелуи...

— А сама тоже не трогала себя? — со странной дрожью в голосе спросил Джефф, обводя подушечками мои напряжённые, набухшие, как бутоны, соски. — Правда, Мари-и-и?

О чём он говорит?.. Я не понимала, а потому просто помотала головой, сдавшись и перестав сражаться с собственным предавшим телом. Глухое отчаяние отступило в самую глубину души, добавляя нотку горечи в пряные, острые эмоции. Тихий, довольный смех жениха около уха заставил судорожно вздохнуть и прикусить губу.

— О, любовь моя, большое упущение с твоей стороны, — вкрадчиво сообщил Джефф, продолжая дразнить мою ноющую от его ласк и ставшую слишком чувствительной грудь. — Ничего, научим...

Именно в этот момент пальцы Джонаса вдруг оказались внутри меня, проникнув довольно глубоко. Я поперхнулась вдохом, широко распахнув глаза и ничего не видя вокруг от слишком яркой вспышки эмоций. Мышцы почему-то резко сжались, реагируя на вторжение, и с губ сорвался тихий вскрик. Тело моментально выгнулось, напряглось, как струна, и задрожало. Сейчас удовольствие приняло новый оттенок, пугающе сильный, затронувший самые дальние уголки сознания.

Пальцы Джонаса почти сразу пропали, и поймав себя на разочаровании, я едва не захныкала, осознав глубину своего падения. Я готова была просить продолжить...

— Ты вкусно пахнешь, малышка моя, — низким, бархатным голосом произнёс мой сводный брат и поднёс руку к лицу, с откровенным наслаждением втянув запах, а потом...

Медленно, смакуя, облизнул пальцы. Его глаза смотрели, казалось, мне в душу, и видели всё, что там происходит. Мой стыд. Притаившийся страх. Отчаяние, мешавшееся с горько-медовым, щедро приправленным вином наслаждением. Что они со мной делают, зачем?!

— Малиновая, — хрипло прошептал Джонас и наклонился ко мне, неожиданно бережно стерев со щеки влажную дорожку. — Со сливками и карамелью. Хватит слёз, Мари, право, они уже лишние, — мягко, проникновенно произнёс он, однако я поняла, что это приказ, которому лучше подчиниться. — Хочу распробовать тебя лучше, — добавил вдруг

Джонас, родив во мне смутную тревогу.

Что?.. Как это?.. Он отстранился, почему-то облизнулся, и моя тревога усилилась, смешавшись с нездоровым предвкушением и любопытством. Но непослушные губы едва слышно, беспомощно прошептали:

— Н-не надо... пожалуйс-ста...

Конечно, я знала, что никто меня не послушает. Но почти сдавшийся разум требовал сделать хоть что-то, чтобы я потом могла оправдать себя. Потом... Когда всё закончится. Джонас снова наклонился, но уже над моим животом, его пальцы ещё сильнее отодвинули края разреза на белье, но не прикоснулись к моей распалённой недавними ласками плоти. Я замерла, тихонько дрожа, и сглотнула — горло пересохло, и я уже согласна была даже на то вино с приправами, туманившее голову. Мне это сейчас очень поможет... Порочное восхищение во взгляде Джонаса действовало странно: между ног всё заныло, запульсировало, и я едва удержала порыв податься бёдрами вперёд в непристойной безмолвной просьбе. Боже мой, я на самом деле такая испорченная в душе?! Что они со мной сделали?..

А потом Джонас опустил голову и — его горячий язык нежно коснулся, раздвинул мягкие, влажные складки, проникая глубже, и на несколько мгновений я почувствовала себя цветком, с которого собирают нектар... О, господи. Это невозможно, нет, что он делает?! Настойчивые, мучительно медленные ласки, настолько откровенные, что я готова была сгореть от замешательства и лавины стыда, обрушившейся на меня. И вместе с тем, тягучее, острое удовольствие, обдававшее жаром каждый раз, как язык Джонаса находил ту самую, волшебную точку, прикосновение к которой заставляло всё моё существо трепетать от восторга. А потом к языку присоединились губы...

— А-а-а-а!.. — не сдержалась я, задыхаясь от ощущений на грани, казалось, ещё мгновение — и сознание покинет меня, настолько сильными они были.

Жадный, грешный рот Джонаса целовал в самое сокровенное, нежно посасывал, втягивая трепещущую плоть, язык игрался, тщательно вылизывая, раздвигая. В какой момент мои бёдра начали послушно подаваться навстречу, требуя больше, я даже не заметила, полностью поглощённая тёмной пучиной неправильного, порочного удовольствия. И я стонала, да, захлёбываясь от восторга, подставляясь под развратные поцелуи, забывая себя, позабыв даже о связанных руках. Под зажмуренными глазами взрывались звёзды, обдавая мириадами сверкающих искр. Тело горело в огне, плавя кости. Горячечный шёпот Джеффри, терзавшего мою грудь уже почти грубыми ласками, добавлял острых переживаний:

— Ещё... Ещё, любовь моя... Немножко осталось...

В какой-то момент, почувствовав осторожное, но уверенное проникновение пальца внутри, я судорожно выгнулась, понимая, что это именно то, чего мне сейчас не хватало. А потом язык Джонаса вдруг с силой надавил на жарко пульсировавшую, чувствительную точку, палец скользнул чуть дальше, почти до самой невидимой преграды. Джефф тут же сжал мои твёрдые, набухшие соски и слегка оттянул их, смешивая боль с удовольствием. Я закричала, через меня словно прошли несколько молний, ослепляя, заставляя напрячься каждую мышцу и срывая сердце в бешеный галоп. Выгнулась дугой в руках жениха, крепко прижимаясь к рту Джонаса и уже не задумываясь, насколько непристойно выгляжу. Я жадно пила пряное удовольствие, впитывая в себя, на несколько мгновений позабыв обо всём, даже о двух мужчинах рядом. И оно накатывало волнами каждый раз, как Джонас легонько шевелил языком, щекоча средоточие наслаждения, в конце концов, оставив моё тело

обессиленным и расслабленным, будто из него вынули все кости.

Голова откинулась на плечо Джеффри, дыхание давалось тяжело, и возвращалась я из густой, вязкой неги неохотно и с трудом.

— Это было чудесно, Мари, любовь моя, — проникновенно сказал мой жених на ухо и лизнул шею чуть пониже, а его ладони на этот раз нежно обняли мою горевшую грудь. — Поздравляю с первым оргазмом. Я слышал, как тебе понравилось, — с тихим смехом добавил он, и осознание реальности обрушилось ушатом холодной воды. — Ты же понимаешь, что это далеко не всё, правда?

Джонас, медленно улыбнувшись, выпрямился, облизнулся и взялся за пояс штанов. Сглотнув, я, как замороженная, смотрела на него, ощущая, как потихоньку возвращается страх и — стыд. А ещё, очень, просто ужасно хотелось пить, в горло будто песка насыпали. Джонас словно услышал мои мысли, оглянулся на стол и плеснул из бутылки в пустой бокал. После чего присел на диван между моих по-прежнему широко раскинутых ног, опёрся локтем на спинку и поднёс край к моим губам.

— Вина, малышка? — светским голосом спросил он. — Вижу, тебе надо.

Да, надо. Пусть это случится, когда моё сознание будет затуманено. Так будет легче пережить... И я сделала первый глоток.

Густая, терпкая жидкость потекла в горло, обжигая, прокладывая дорожку, бодря и посылая волны жара по телу. Джонас, не отрываясь, смотрел на меня, и его глаза вдруг замерцали странным, золотистым светом в полумраке гостиной. Его губы раздвинулись в хищной улыбке, и он произнёс, отнимая пустой бокал от моего рта:

— Отлично, Мари, продолжим?

Он встал, отставил бокал и снова взялся за пояс штанов, а Джеффри, оставив мою грудь, неожиданно подхватил мои ноги под коленки, подняв их и широко раздвинув. Я беззвучно ахнула, оказавшись в ещё более беспомощном и открытом положении, кровь бросилась в лицо, заставляя его пылать от замешательства. Казалось бы, куда дальше смущаться после всего, что было, но я не могла справиться со своими чувствами. Не могла отрешиться от осознания, что лежу под бесстыдным, жадным взглядом Джонаса, раскрытая, полураздетая, и... дрожащая от странного, пугающего предвкушения. Облизнув губы, на которых ещё оставался вкус вина, я тихо всхлипнула, не в силах отвести глаз от сводного брата, нарочито медленно расстёгивающего штаны. Боже, это не со мной происходит, этого не может быть!..

— Будет немножко больно, Мари, любовь моя, но совсем чуть-чуть, — мурлыкнул Джеффри на ухо, и к разбуженным желаниям примешалась паника.

Я снова дёрнулась, беспомощно захныкав, сердце билось в груди тяжело, неровно.

— П-пожалуйста... Н-не надо... — снова повторила едва слышным шёпотом, а Джонас уже снимал штаны.

Под которыми белья у него не было. Я лишь успела увидеть тёмную дорожку волос, курчавую поросль, и — не выдержала, зажмурилась, сгорая от острого приступа стыда. Господи, не хочу видеть!..

— Малышка стесняется? — раздался глубокий, хриловатый голос Джонаса, и я почувствовала, как диван слегка прогнулся под его весом. — Ничего, Мари, ты скоро привыкнешь. М-м, какое дивное зрелище, твои раскинутые ножки!

Я невольно напряглась, затаив дыхание и ожидая... Сама не знаю, чего. Краем сознания всё равно до конца не могла поверить, что всё это происходит со мной. В день помолвки. Моей плоти вдруг коснулось что-то твёрдое и горячее, провело вдоль влажных складок, задев ту самую точку, прикосновение к которой доставило столько восхитительно-сладких мгновений. И снова молния удовольствия проскочила по телу, заставив выгнуться и хватать ртом воздух, а потом... Я ощутила настойчивое, неумолимое проникновение. То самое твёрдое и большое вторгалось в меня, раздвигая упругие мышцы, и я слабо, протестующе застонала, попытавшись отодвинуться, избежать этого.

— Ш-ш-ш, — я снова слышала Джеффри, он крепче прижал мои ноги, не давая шевелиться. — Какая ты непослушная, любовь моя! — в его тоне отчётливо слышалось странное удовольствие, и мне даже показалось, предвкушение.

Чего?.. Не знаю.

— А если вот та-ак? — это уже Джонас, и в следующий момент я почувствовала снова прикосновение.

Теперь уже его пальца, он скользнул по моему лону, слегка надавив, и погладил, и меня ослепила вспышка наслаждения. Бёдра сами подались вперёд, а мышцы внутри почему-то сжались вокруг того самого, твёрдого и горячего. И большого. Джонас тихо зашипел, его

ладонь обхватила мою попку, довольно чувствительно сжав, а потом он сделал резкое движение, входя в меня ещё глубже. Я вскрикнула от острой боли, пронзившей меня, запрокинула голову, хватая ртом воздух и зажмурившись ещё сильнее.

— Нет... Нет!.. — сорвалось с моих искусанных губ, я настойчиво зашевелилась, снова попытавшись отодвинуться, и понимая, что...

Уже поздно. Моё тело принадлежит Джонасу, это он сейчас владеет им, и ничего уже не исправить. По вискам потекло что-то влажное, и я поняла, что снова плачу.

— Тихо, тихо, Мари, малышка, — сверху навалилось сильное тело сводного брата, вжимая меня в Джеффри, ладони Джонаса обхватили лицо, а боль не проходила, разливаясь по низу живота. — Сейчас всё пройдёт, не плачь...

Его губы собирали мои слёзы, лихорадочные поцелуи жалили нос, закрытые глаза, дрожащий рот, и он продолжал двигаться ещё глубже, дальше.

— Просто расслабься, всё, всё уже... — слегка невнятно шептал Джонас, слизывая с моих щёк солёную влагу, а потом выпрямился.

Сильные пальцы впились в мою попку, удерживая на месте, я ощутила, как твёрдое выходит из меня, и всего на мгновение обрадовалась, едва не всхлипнув от облегчения. Боль чуть-чуть утихла... А потом Джонас снова с силой вошёл, и я снова выгнулась, вскрикнув. Изнутри словно впивались острые осколки, и мышцы судорожно сжались в бесполезной попытке вытолкнуть, избавиться. Но, похоже, Джонасу это только понравилось...

— Такая тугая... Узкая... — пробормотал он и убрал одну руку, только для того, чтобы переместить её на моё лоно. Ладонь накрыла низ живота, и спустя мгновение умелые, бесстыдные пальцы начали перебирать, поглаживать и ласкать, принося постыдное, но такое сладкое удовольствие. — Вот так, да, малышка!

В голосе Джонаса слышалось ликование, а я вдруг ощутила, как боль потихоньку смывается жаркими волнами, расходящимися от самого сокровенного, где хозяйничал мой сводный брат. И одновременно он начал двигаться снова, уже медленно, плавно. Ощущения и эмоции странным образом переплелись, и начало действовать выпитое вино: разум затуманился, тело охватило такое знакомое томление. Отчаяние и страх растворились в нём без остатка, как и обрывки мыслей. Я двигалась вместе с Джонасом в одном ритме, послушно следуя заданному темпу, его пальцы, продолжавшие нежить мою горевшую от прикосновений плоть, с каждой секундой приближали меня к тому самому, сверкающему и упоительному, где я была не так давно. И то, что находилось внутри меня, уже не причиняло боли, а лишь усиливало переживания, делало их глубже и ярче. Я словно наполнялась тягучим, хмельным напитком, и он вот-вот грозил перелиться через край.

Я снова стонала, захлёбываясь вздохами, уже сама послушно раздвигая ноги ещё шире, желая быть как можно ближе к ласкающей руке, и Джонас задвигался сильнее, быстрее и резче. Как и его палец... Внутри всё плавилось, под откровенной лаской горело огнём и сладко, болезненно пульсировало. Я слышала хриплое дыхание Джонаса, ему вторило такое же — Джеффри у моего уха. Мысль о том, что происходящее со мной неправильно, нехорошо, я не должна наслаждаться этим, давно утонула в тёмном водовороте охвативших меня ощущений. Потом, когда всё закончится, и я наконец останусь одна, вернётся и стыд, и отчаяние... А сейчас, когда Джонас особенно сильно вошёл в меня и одновременно мягко нажал на ставшую слишком чувствительной точку, мой мир взорвался. Из груди вырвался хриплый крик, я выгнулась так, что почти прижалась низом живота к Джонасу, воздух застрял в горле, не давая дышать. То, что наполняло меня, хлынуло широким потоком,

опустошая и почти лишая сознания, мышцы судорожно сжались вокруг твёрдого во мне, и сквозь шум крови я слышала сдавленный стон Джонаса. Силы разом покинули, я обмякла, ослеплённая и слегка оглушённая, накатило странное равнодушие и апатия. Стало даже всё равно, в каком виде я лежу, и что вообще будет происходить дальше. Самое страшное ведь уже случилось... Как же я ошибалась.

Шевелиться не хотелось, как и открывать глаза. Джонас отстранился, покидая меня и принося облегчение: внизу живота ныло, но уже не от удовольствия. Джеффри всё так же держал мои ноги, но мне сейчас и на это было всё равно. Сознание словно превратилось в вязкое желе, мысли застыли в нём, будто изюм. Вяло отметила, что в мою попку всё так же упиралось что-то твёрдое, похожее на то, что недавно находилось во мне. Джефф?..

— М-м, это было чудно, Мари, — заговорил Джонас довольным голосом, в котором ещё слышались хриплые нотки. Я слышала шорох. — Ты меня не разочаровала, малышка.

Между ног коснулось что-то влажное и мягкое, я несильно вздрогнула — эмоции шевельнулись, но затихли почти сразу. Действия сводного брата были приятными, но не возбуждающими — они просто приносили облегчение истерзанной ласками плоти, и я даже почувствовала смутную благодарность за такую неожиданную заботу. Джонас закончил вытирать, и Джефф наконец отпустил мои ноги, дав их свести вместе. Мышцы тянуло, я сглотнула вязкий ком, снова ощущая жажду. Но пить вино?.. Нет, хватит с меня. Не буду просить.

— Это называется страсть, любовь моя, — проворковал в ухо Джеффри, помогая подняться. — И желание. Тебе понравилось, я слышал, это было очень... — он сделал паузу, шумно вздохнул, чуть отстранив меня, и его руки коснулись моих связанных запястий. — Возбуждающе, Мари-и.

Моё имя он произнёс нараспев, словно смакуя, и во мне зашевелилось смутное беспокойство. Эмоции с трудом пробивались сквозь туман безразличия, я никак не могла прийти в себя. Тело оставалось расслабленным и вялым. Джеффри развязал мне руки наконец, я открыла глаза и опустила вниз. Платье собралось на бёдрах, прикрыв хоть немного, а вот грудь так и оставалась обнажённой. Щёк коснулось тепло, я инстинктивно потянулась прикрыться, хотя глупо смущаться всего лишь полуспущенного с плеч лифа после всего случившегося.

— Нет-нет, не стоит, — мягко произнёс Джефф, прижавшись к моей спине, и поймал запястья, опустив мои руки на диван. — Я думаю, нужно вообще снять это платье, оно на тебе совершенно лишнее.

Я слабо выдохнула, начиная понимать, что это далеко не конец, и в покое меня в ближайшее время не оставят. Из горла вырвался тихий всхлип, я прикусила и без того припухшую губу. Ладони Джеффа нырнули под платье, скользнули вдоль тела, поднимая ткань и вынуждая меня тоже поднять руки. С другого конца дивана раздался негромкий смешок, и мои глаза метнулись туда. Джонас расслабленно сидел в углу, поставив одну ногу на сиденье и положив на колено руку, другую бесстыдно отставив в сторону, и держал бокал с вином. Лицу стало ещё жарче, мой ошалелый взгляд никак не мог оторваться от тёмной, курчавой поросли между его ног, где... О, Боже. Я не буду на это смотреть!.. Вот *это* было во мне?! Даже в расслабленном состоянии оно выглядело немаленьким, понятно, почему мне было больно. Очень вовремя обзор мне закрыло платье, которое снимал Джеффри, и я ещё и снова крепко зажмурилась, сгорая от мучительного стыда, залившего краской и лицо, и шею, и даже грудь.

— Мари, не стоит стесняться, — весело заметил Джонас. — Привыкай, ты будешь видеть и меня, и Джеффри обнажёнными часто. И не только видеть, — с явным предвкушением добавил он.

Подумать, что могли значить его слова, я не успела: Джефф окончательно снял с меня платье, небрежно отбросив в сторону, и на мне остались лишь панталоны, отделанные кружевом, и чулки. Пальцы жениха обхватили мои запястья, не давая прикрыться, подбородок лёг на плечо.

— А теперь, любовь моя, я хочу кое о чём поговорить с тобой, — вкрадчиво произнёс он и погладил большими пальцами тыльную сторону моих ладоней.

Тело пробрала холодная дрожь. Господи, помоги, что меня ждёт дальше?!

— Встань, — тем же обманчиво мягким голосом приказал он, и я не посмела послушаться, хотя ноги ещё плохо держали после пережитого.

Именно приказал, я чувствовала. Медленно поднявшись, замешкалась, не зная, что дальше, но Джеффри развернул меня к себе лицом, а сам остался сидеть на диване, глядя на меня снизу вверх. Я сглотнула, судорожно сжав кулаки и борясь с желанием прикрыться от его жадного взгляда, с отчаянием понимая, что это жениху не понравится. Глаза Джеффри, мерцавшие тем же золотистым светом, что и у Джонаса не так давно, медленно скользили по моему телу, вызывая дрожь, ладони лежали на моих бёдрах.

— Мари, моя непослушная девочка, — он улыбнулся так, что у меня внутри всё застыло, и перехватило дыхание от страха. — Ты поступила нехорошо, позволив другому мужчине прикасаться к себе, не спросив разрешения.

— Ч-что?.. — вырвалось у меня, и я облизнула враз пересохшие губы, растерявшись от его слов. — Н-но...

Господи, он же сам сказал, что проиграл меня Джонасу!..

— Ш-ш, — перебил Джеффри, нежно коснулся губами моего живота чуть выше пояса панталон, а потом резко встал, отчего я испуганно отшатнулась. Ладони переместились на мою талию, удерживая на месте, и я замерла, словно зверёк, пойманный в капкан. Дрожь никак не желала проходить, лишь усиливаясь с каждым мгновением. — Да, Мари, ты должна каждый раз спрашивать моего разрешения, если Джонас захочет... — он сделал выразительную паузу, и я мучительно покраснела, опустив глаза, зная, что услышу дальше, — приласкать тебя и заняться другими интересными вещами. Поняла, любовь моя? — его пальцы коснулись моего подбородка, вынуждая поднять голову и смотреть в глаза Джеффри, переливавшиеся золотом.

— Поняла, — послушно пробормотала я, с тоской осознавая, что меня просто сделали игрушкой без права выбора.

И спасения ждать неоткуда, мне некуда и не к кому бежать.

— Умница, — мурлыкнул Джефф, погладив большим пальцем мою дрожащую нижнюю губу, и наклонился, опалая горячим дыханием. — И чтобы я больше не слышал от тебя «нет», «не хочу», «не надо», и прочие «не», любовь моя, — строго добавил он, нахмурившись, его ладонь неторопливо поднялась вверх по моему телу и мимолётно провела по груди. Задетый сосок, всё ещё слишком чувствительный, отозвался болезненной вспышкой.

— Х-хорошо, — покорно прошептала я, чувствуя, как глаза опять защипало от наворачнувшихся слёз.

Перечить Джеффри не хотелось, как и знать, что будет, если проявлю неповиновение. Что-то внутри подсказывало, ничем хорошим это для меня не закончится.

— Хм, Джефф, а если тебя дома не будет? — раздался вдруг задумчивый голос Джонаса. — Мне терпеть, что ли? — насмешливо добавил он.

— М-м, — жених ненадолго замолчал, продолжая поглаживать мой рот. — Ну что ж, в таком случае, Мари мне потом всё расскажет, что ты с ней делал, получит своё наказание за непослушание. И мы повторим уже со мной, — его слова звучали ужасно, а по-прежнему мягкий, вкрадчивый голос только усиливал их страшный смысл.

Они в самом деле собирались играть со мной в свои игры. Несправедливые, развратные.

По странным правилам, и по ним в выигрыше оставались только Джонас и Джеффри, никак не я. Из груди рвался всхлип, но палец Джеффа надавил на мои губы, вынуждая их раскрыться, и скользнул в мой рот, не давая произнести ни звука. Одновременно раздался следующий приказ:

— Расстегни рубашку. Раздень меня, любовь моя. И смотри мне в глаза, — чуть тише добавил он.

Мои руки дрожали, когда я взялась за пуговицы, ощущение двигавшегося в моём рту пальца вызывало желание вытолкнуть его немедленно. Это... это было слишком непристойно, и это я читала в залитых расплавленным золотом глазах Джеффри. Они уже перестали быть пронзительно-синими, как раньше... Дыхание жениха стало тяжёлым, он нависал надо мной, подавляя и пугая неизвестностью. Его ладонь так и лежала на моей груди, пальцы время от времени тихонько поглаживали, играли с соском, довольно чувствительно его пощипывая и заставляя снова твердеть. Густая, напряжённая тишина давила на уши, я даже хотела, чтобы Джеффри снова заговорил, пусть и все те неприличные и откровенно порочные вещи, от которых меня заливало мучительным стыдом.

Я справилась наконец с рубашкой, стараясь не касаться обнажённого тела Джеффа. Его палец равномерно двигался между моих губ, дразня язык и заставляя посасывать и облизывать, как карамельку. Не знаю, почему, но стало ещё жарче от стыда, моё тело пылало, а пристальный взгляд жениха держал в силках, не давая отвернуться.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Штаны.

Слово камнем упало в тишину комнаты, отчего я вздрогнула и чуть не подавилась вдохом. Замешкалась, неуверенно коснувшись пояса, вдруг остро ощутив, как на меня смотрит Джонас. По коже рассыпались колкие мурашки, я застыла, не в силах выполнить приказание Джеффри. Господи. Он хочет, чтобы я сняла с него штаны. И я знала, что под ними белья тоже нет, как у моего брата...

— Мари-и-и, — тягуче, с чётким предупреждением повторил Джеффри и вынул палец из моего рта. Раздавшийся при этом звук прозвучал для меня настолько непристойно, что я едва не зажмурилась. Лицо и шея казались настолько раскалёнными, будто их облили горячим воском. — Дальше, любовь моя. Смелее, ты должна привыкнуть и перестать смущаться.

Я никогда не привыкну, нет, только не это. Беззвучно всхлипнув, я трясущимися пальцами принялась за застёжку на штанах Джеффа, то и дело задевая то твёрдое, что скрывалось под ними. Мне уже хватило сообразительности понять, *что* это такое... Но видеть всё равно не хотела, не говоря уже о прикосновениях. Снова наступила тишина, вязкая и плотная. Только негромко потрескивали дрова в камине, да Джеффри продолжал тяжело дышать, сжимая ладонями мои плечи. Рубашку он уже сбросил, и она снежной лужицей белела на ковре, рядом с моим платьем. С застёжкой я закончила, кусая губы и беззвучно глотая слёзы, стало всё равно, что Джефф видит, что со мной происходит.

— Снимай, — с мягкой улыбкой, так не вязавшейся с порочным огнём в его глазах, приказал он дальше.

Судорожно вздохнув и радуясь, что приходится смотреть в глаза Джеффри, а не вниз, я ухватила за ткань и потянула, со страхом наблюдая, как ухмылка моего жениха становится шире. Я даже представить не могла, что же ждало меня дальше, моих скудных знаний отчаянно не хватало... Но от этого страх неизвестности лишь усиливался. Живот подводило,

во рту поселился кисловатый привкус, и ни следа не осталось от недавнего возбуждения. Спустя несколько долгих, мучительных минут Джеффри избавился от штанов, оставшись передо мной полностью обнажённым, как и брат. Из всех самой одетой была лишь я...

— Посмотри вниз, — повелительно сказал Джефф, переместив ладони вновь на мою грудь, его пальцы прихватили соски и слегка оттянули, одарив волной болезненного удовольствия. — Я хочу, чтобы ты увидела, как сильно я тебя желаю, любимая.

Я от неожиданности громко охнула, захваченная врасплох ощущениями, и мой растерянный взгляд послушно опустился... Чтобы ошарашено уставиться на длинное, довольно толстое и твёрдое, вздымавшееся из жёсткой поросли внизу живота Джеффри. Оно почти упиралось в меня, и я едва не отшатнулась, судорожно вздохнув. От чёткого осознания, что *это* тоже очень скоро окажется во мне, как в ледяную воду окунули, позвоночник превратился в сосульку. И в то же время я с тоской понимала, что... Буду хотеть этого не меньше, чем Джефф. Он знает, как разжечь во мне тёмный огонь, в котором сгорят все мои страхи и сомнения. В этом я была уверена. Джонас же смог...

— Дотронься до него, — голос жениха стал хриплым, хотя оставался по-прежнему властным. — Ты будешь делать это часто, Мари. И не только пальчиками.

В последнем слове отчётливо слышалось порочное предвкушение, и я зачем-то вспомнила, как Джеффри вставил мне в рот палец... Горло сжал спазм, изнутри поднялась горькая волна, и я с трудом сглотнула, как в трансе послушно подняв руку и... коснувшись похолодевшими пальцами горячего и твёрдого. Жених шумно выдохнул, перехватил моё запястье и настойчиво потянул ближе.

— Обхвати, — бросил он, не отпуская.

Внутри всё перевернулось, я отчаянно не хотела этого делать, но у меня не было выбора. Ладонь легла на эту часть тела, и тут же поверх прижала ладонь Джеффри, вынуждая сделать так, как он хотел. Кровь бросилась в лицо, обжигая, от стыда и неловкости стало трудно дышать.

— Вот та-ак, — тягуче произнёс Джефф, медленно, моей рукой сделав движение вдоль ствола. — Этому тоже научишься, любовь моя, а пока...

К моему огромному облегчению жених не стал продолжать и отпустил моё запястье, позволив отдернуть руку, а в следующий момент развернул и довольно чувствительно шлёпнул по попке. Я тихо вскрикнула, возмущённая и испуганная, рука Джеффри обвилась вокруг моей талии, крепко прижимая к его телу. Твёрдое упёрлось мне в ягодицы, добавляя переживаний и неуютных ощущений. Сердце забилось в горле, и перед глазами всё поплыло от накрывшего страха.

— Придётся наказать мою непослушную невесту, так сладко стонавшую, когда её ласкал другой, — вкрадчивый шёпот Джеффа обжёг ухо, одна его ладонь обхватила грудь, чувствительно сжав, а пальцы второй бесстыдно скользнули в разрез панталон вниз. — И я тоже хочу быть первым у тебя, Мари-и, — у меня резко ослабли коленки, когда жених проник между складок и с нажимом погладил. — Но сначала — накажу, — палец пропал, меня отстранили и подтолкнули вперёд. — Ложись на стол, на живот, и раздвинь ноги, — повелительно произнёс Джеффри.

Живот подвело от страха, во рту стало сухо. На подгибающихся ногах я подошла к столу и покорно легла на гладкую поверхность, зажмурившись и радуясь хотя бы тому, что не вижу ни Джонаса, ни Джеффри. Ни того, что со мной будут делать. Только ощущения... И почему-то не оставалось сомнений, что несмотря на панику от неизвестности, мне понравится, что

бы это ни было. Джефф постарается. Я расставила ноги, вцепившись в край стола, острое чувство чужого взгляда рождало волны мурашек по всему напряжённому телу. Да, я знала, что Джон смотрел. С его места на диване, наверное, открывался отличный вид на непристойную картину...

— Шире, Мари, — раздался голос Джеффри, и он настойчиво развёл мои ноги ещё, подвинув ступни в стороны. — Приподнимись.

Задыхаясь от вдруг вспыхнувшего внутри предвкушения пополам с так и не проходившим страхом, я выполнила и этот приказ, и мне под живот подложили подушку. Теперь моя попка оказалась приподнятой, и самое сокровенное — раскрыто ещё больше. И хотя мои руки оставались свободными, нахлынуло ослепляющее чувство беспомощности перед его ненасытным взглядом и жадными руками. Тело мелко задрожало, и внутри всё сжалось.

— Развяжи, — Джеффри поддел завязки на панталонах сзади на талии.

Я подчинилась. А его пальцы между тем опустились ниже, раздвигая ткань, но ещё не дотрагиваясь до моей плоти, уже снова начавшей пульсировать в напряжённом ожидании откровенной ласки. От осознания глубины собственной испорченности и порочности я сильно прикусила губу и беззвучно всхлипнула, слизнув солёную каплю. Трясущимися руками справилась с завязками и ощутила, как Джеффри оголил мою попку, небрежно откинув тонкий батист. С силой сжал ягодицы, пару раз ущипнул, помял их — кожа начала гореть от этих грубых прикосновений.

— Любовь моя, а тебе больше понравилось, когда Джон ласкал тебя ртом или пальцами? — спросил вдруг вкрадчиво Джефф, не прекращая своих действий.

Одновременно я почувствовала, как к лону прижалось твёрдое, пока не проникая в меня, провело по нему, уже немного увлажнившемуся. Тело предательски отреагировало горячей волной, заставив сглотнуть вязкую слюну, а от слов Джеффри язык прилип, не желая отвечать на порочный вопрос. Я не хотела признаваться в таком!..

— Отвечай! — резко потребовал жених, и в следующий момент попку обжёг сильный шлепок, далёкий от нежного.

Я вскрикнула, выгнувшись и едва не процарапав ногтями столешницу: вместе с ударом Джефф совсем немного проник в тугий вход, где недавно побывал мой брат, и остановился. А меня накрыла такая сильная волна противоречивых ощущений, что я буквально задохнулась, ослеплённая и растерянная. Ответ вырвался сам, пока ошарашенное сознание металось, словно в клетке.

— Ртом!..

Господи, прости, но так и было. Порочный рот Джона в самом деле подарил больше наслаждения, чем его руки. Джеффри шумно выдохнул, его ствол продвинулся вперёд ещё чуть-чуть, и снова я вскрикнула от удара, теперь по другой ягодице. За что?! Я же ответила, как он просил! Или не надо было? Я окончательно запуталась, в том числе и в обуревавших меня эмоциях. Странное удовольствие смешивалось с болью, в крови растекался сладкий яд вновь проснувшегося желания, и бёдра сами шевельнулись навстречу. За что я получила следующий шлепок, и тут же Джеффри ущипнул, отчего я сдавленно всхлипнула, хватая ртом воздух.

— Лежи спокойно, Мари, не двигайся, — приказал он хрипло, его ладонь прижала мою поясницу к столу, и в следующий момент жених одним движением вошёл в меня до конца и... замер. — Хотела бы ещё, любовь моя? Чтобы Джон снова приласкал тебя так? — его голос приобрёл кошачьи интонации, пальцы легонько поглаживали мою горевшую от ударов и щипков попку, заставляя вздрагивать от прикосновений.

Было и больно, и одновременно приятно, а ещё, не шевелиться становилось с каждым мгновением сложнее. Боже, прости, но я хотела, чтобы *это* во мне, горячее и твёрдое, начало двигаться. Сильно, быстро, как Джонас недавно... Мышцы при этой мысли резко сжались, выдавая меня с головой, и я прислонилась лбом к столу, часто, мелко дыша и уставившись перед собой невидящим взглядом. Осознание, насколько я оказалась порочной, если способна получать удовольствие от происходившего, окатило ледяными мурашками и... Растворилось в жаре, растекавшемся по телу от ягодиц, на которых так и лежали ладони Джеффри.

— Мари-и-и, — тягуче произнёс он с отчётливой угрозой, и я вспомнила, что мне, кажется, задали вопрос.

И неважно, как я на него отвечу, в любом случае, меня снова ударят, я это знала. Жених ведь сказал, что накажет...

— Хотела, — прошептала я, невольно напрягшись в ожидании, и откуда-то зная, что мой ответ Джеффу понравится.

Следующий шлепок, вспышка боли, и тут же успокаивающее поглаживание, и словно в награду — лёгкое движение внутри, совсем чуть-чуть, но я почувствовала. Жених провоцировал, наверняка ожидая, что я подамся навстречу, забывшись, но... я научилась угадывать правила и осталась на месте. Неожиданно отметила, что затвердевшие, слегка нывшие соски прижимаются к прохладной столешнице, и это приятно.

— Какая, оказывается, у тебя развратная сестричка, Джон, — со смешком отозвался Джефф, продолжая мучительно дразнить — на этот раз он почти вышел из меня, я ощущала лишь, как твёрдый ствол прижимается концом к моему лону. — Но мне нра-вится, — протянул Джеффри. — Что ж, думаю, для первого раза хватит наказания. Лучше

продолжим, — он вдруг убрал ладони с моих ягодиц и скомандовал. — Раздвинь попку, любовь моя, и пошире.

От этих слов стало не по себе, страх снова зашевелился внутри, словно клубок скользких змей. Так странно было ощущать одновременно и возбуждение, и это чувство, из-за чего меня попеременно окатывали то волны тепла, то обдавало морозным ветерком. Вопрос сам сорвался с губ, пока я медлила с выполнением, пытаюсь справиться с эмоциями:

— 3-зачем?..

— Ну я же сказал, что тоже хочу быть у тебя первым, — к моему удивлению и — тихому ужасу — пояснил Джеффри довольно, и чувствительно ущипнул, снова войдя в меня наполовину.

Он продолжил неторопливо двигаться, однако не заполняя собой до конца, на всю глубину, и непонятное голодное чувство внутри росло с каждым мгновением. Боже, прости меня, я *хотела*, чтобы Джефф сделал со мной то же самое, что совсем недавно — Джонас! Колени дрожали от напряжения, я даже не заметила, как приподнялась на носочки в желании подстроиться поудобнее. Невозможность пошевелиться и податься навстречу, чтобы продлить эти порочно-притягательные ощущения сводила с ума. Джеффри отвлекал, не давая сосредоточиться на том, что же ждёт дальше, однако напомнил о своём приказе, видя, что я замешкалась.

— Любимая, ты заставляешь меня просить дважды, — бархатистым голосом произнёс жених, не останавливаясь, его пальцы погладили мою попку, кожу которой ещё покалывало от наказания.

Неужели он... Господи. Нет, я не буду об этом думать. Это... так не должно быть, это неправильно!.. Меня едва не затрясло от накотившей паники, мешавшейся с остальными эмоциями, из глаз закапали слёзы. Но я покорно завела руки назад и сделала то, что просил Джеффри. Раздвинула ягодицы, открывая ему... всю себя.

— У-у-умница, — мурлыкнул Джеффри, и подушечками провёл по ложбинке.

Я внутренне сжалась, не зная, чего ожидать дальше, и неслышно всхлипнула. Показалось, пальцы жениха в чём-то скользком и прохладном, вроде крема или масла, и мои подозрения превратились в уверенность.

— Расслабься, Мари, это не больно, — увещательно произнёс Джефф и... пришло ощущение. Он слегка надавил на тугое колечко мышц, не проникая, а вот его ствол вдруг до упора вошёл в меня, заставив коротко застонать и всё-таки выгнуться.

Откинув голову, я широко раскрыла рот, хватая густой воздух, всего лишь на мгновение позабыв о намерении Джеффри. Ему этого хватило, чтобы его палец скользнул... *туда*, пока что неглубоко. Ох. Пряный стыд обжёг, будто я проглотила кусочек острого перца, я совсем растерялась от новых, непривычных и непонятных ощущений. Не больно, да. Но — странно, очень, неуютно и... *Так* не должно быть, это неправильно! Я ничего не могла поделать, мышцы протестующе напряглись, стремясь вытолкнуть, не пустить дальше. Джеффри это не остановило.

— Любовь моя, я всё равно это сделаю, ты же понимаешь, — голос жениха умиротворённо журчал, иногда срываясь на хриплый шёпот, и так не вязался с его действиями. — Но только от тебя зависит, получим ли мы все удовольствие, или тебе будет неприятно. Просто не надо напрягаться, Мари... Учись получать удовольствие, девочка моя, привыкай...

Он двигался во мне, всё так же размеренно, но теперь по-настоящему, не дразня, входя

до конца. Лоно отзывалось тягучим наслаждением, растекавшимся по низу живота. А палец... Палец настойчиво ласкал другое местечко, не предназначенное для любовных утех, совсем! И с каждым прикосновением раздвигал мышцы чуть-чуть дальше, проникал глубже, и... Я в самом деле привыкала, с ужасом осознала в какой-то момент. Уже тело изгибалось, подстраиваясь под новый ритм, и было очень странно, необычно ощущать себя... Наполненной. Во всех смыслах. Когда пальцев стало два, я не заметила, к стыду своему. Слишком увлеклась, действительно расслабившись, и мои руки уже сами шире раздвигали ягодицы, чтобы Джеффри было удобнее... Как же низко я пала. И уверена, ниже есть, куда, даже если я пока не догадываюсь.

Перед глазами плавали разноцветные круги, мои бёдра плавно покачивались в такт, подаваясь навстречу Джеффу и его пальцам в моей попке, дарившим новое удовольствие. Оно заливало меня чернотой, что темнее ночи, и я тонула всё глубже, начиная тихо постанывать от порочных, неправильных ласк.

— Какая... способная... — прерывистым, довольным шёпотом произнёс мой жених, и пальцы вдруг пропали, как и горячий ствол из меня.

Не дав мне ни секунды на раздумья, что бы это могло значить, Джеффри положил свои ладони поверх моих, резко разведя в стороны. Я лишь успела судорожно вздохнуть, и в следующий миг в подготовленное умелыми ласками местечко начало проникать кое-что побольше пальцев. Даже несмотря на расслабленность и негу, на возбуждение, разбуженное Джеффом, я испугалась. Дёрнулась в попытке отстраниться, избежать неумолимого вторжения, не настолько болезненного, как в первый раз с Джонасом, но всё же, не слишком приятного. За страхом пришло замешательство, я тихонько вскрикнула, ослеплённая шквалом противоречивых эмоций и переживаний. А Джефф не останавливался, его ствол, раздвигавший упругие, напряжённые мышцы, казался каменным. Я захныкала, не в силах больше сдерживаться, щёки стали влажными от слёз. Мои губы всё же произнесли запрещённые слова:

— Н-нет... Джефф, н-не надо!..

Жених убрал руки с моей попки и навалился всем телом, прижав к столу, распластав на нём. Там, где он находился во мне, всё горело и пульсировало, мышцы судорожно сжались в бесполезной попытке избавиться... Но тихое шипение Джеффри над ухом и его тяжёлое дыхание подсказали, что я лишь добавила ему удовольствия каким-то странным образом.

— Моей любимой понравилось наказание, а? — выдохнул он, лизнув меня в шею, и пошевелил бёдрами, отчего изнутри как будто вонзились сотни острых иголок.

Мой короткий стон закончился всхлипом, а потом Джеффри выпрямился, его пальцы впились в мои ягодицы, и он продолжил двигаться во мне. Я вцепилась в край стола, ничего не видя, кровь шумела в ушах, а губы стали солёными от слёз. Проникновения сначала были плавными и размеренными, даже аккуратными, и сквозь отчаяние и страх начало слабо пробиваться удивление. Меня... берегут?..

— Вот та-ак, моя хорошая... Вот та-ак... — низким голосом протянул Джефф, потихоньку ускоряясь. — Я же сказал, тебе понравится...

И в самом деле, неприятные ощущения утихали, постепенно переплавляясь во что-то иное. Глубокое, задевавшее самые потаённые уголки, пронзавшее тело острыми вспышками всё усиливавшегося наслаждения. Я падала ещё ниже в собственной порочности, и в этой бездне дна точно не было... В моих столах очень скоро появились томные нотки, за которые я себя ненавидела, но ничего не могла поделать. Послушно раскрывалась, подстраивалась,

подавалась навстречу, от особо глубоких выпадов негромко вскрикивала. Эмоции оставляли на языке привкус чёрного шоколада, одновременно и горького, и вкусного, щедро присыпанного жгучим перцем.

Неожиданно Джефффри замер, тяжело дыша мне в шею, я спиной чувствовала, как колотится в его груди сердце. Моё собственное суматошно металось, отбивая рёбра и разгоняя густую кровь по венам. Ладони жениха поднырнули под моё тело, обняли, и Джефф начал медленно выпрямляться. Вместе со мной. Так и не выходя из меня.

— Я хочу, чтобы мы были все вместе, — горячечно зашептал мой жених, прижав меня к краю стола, его ладони обхватили грудь, а пальцы погладили напряжённые соски. — Ты, я, и Джонас, любовь моя. Ты же не думала, что мы будем по очереди иметь твоё восхитительное тело... — тут он сделал паузу, и я услышала довольный смешок, — в нужное местечко, правда, Мари-и?

Мне уже хватило опыта, чтобы понять, *что* он имеет в виду, и горло перехватило. Во мне... будут двое?..

Колени ослабли, голова закружилась, будто я снова глотнула того вина, да не один бокал. Прикусив губу, я тяжело опёрлась ладонями на стол, запалено дыша и радуясь, что лицо скрыто растрепавшимися из причёски волосами. Не хотелось показывать моё отчаяние и слёзы, хотя их уже и так видели...

— Пойдём, — сильные руки легко подняли, крепко придерживая, так, что ноги не касались пола, и Джефффри понёс к дивану, где остался Джонас.

Мне всё-таки пришлось посмотреть на сводного брата, когда жених поставил меня, чуть наклонив. Как у него получилось остаться во мне, не знаю, но его напряжённый ствол всё так же заполнял, и неуютные ощущения мешались с острым удовольствием при малейшем движении. Мой затуманенный взгляд остановился на Джонасе, сидевшем передо мной, бесстыдно расставив ноги. И его орган уже не лежал расслабленно... Я с трудом сглотнула, посмотрев выше, на лицо, только бы не видеть *это*. На губах Джона играла порочная, многообещающая ухмылка, а в чуть прищуренных глазах плескалось расплавленное золото. Я вздрогнула, не в силах отвернуться, сердце в груди ёкнуло. Мерцающее нечто затянуло и радужку, и зрачок, поглотило целиком, и выглядело это... Пугающе странно. Что происходит?!

— Давай, присядем, любовь моя, — вкрадчивый шёпот Джефффри оторвал от созерцания непонятных глаз Джона, вернул в настоящее.

Я уже ничего не понимала и не пыталась понять. Сознание застыло куском желе, даже не стараясь больше сопротивляться. Мысли закончились, и их место заняли инстинкты и разбуженные эмоции. Пусть неправильные, непонятные, порочные и тёмные, но сейчас мне легче было отдаться именно им, чем разбираться, кто такой мой сводный брат на самом деле. А может, и жених — я же не видела его лицо... Я длинно выдохнула, прикрыв глаза, и покорно села верхом на ноги Джонасу, упёршись ладонями в его плечи. Почувствовав, как уверенно устраивается сзади Джефффри, плотно прижимаясь ко мне, и его рука проводит по спине, чуть надавив на поясницу, я вяло подумала, что, наверное, не в первый раз они с Джоном так развлекаются... И я далеко не единственная девушка, точнее, уже женщина, с кем они вдвоём.

— Ножки пошире, Мари-и, так удобнее будет, — следующая команда Джефффри, и его ладони настойчиво надавили на мои бёдра, заставляя выполнить приказ.

Я не думала, насколько непристойно выгляжу, просто послушно раздвинула колени, и моё лоно оказалось почти вплотную к восставшему стволу Джона. Оно уже красноречиво увлажнилось в ожидании смелых ласк, которых так жаждало... И Джефф это заметил. Точнее, его пальцы, медленно скользнувшие по складкам и намеренно задевшие загоревшийся от прикосновения кусочек плоти.

— О-о-о, любовь моя, это чу-удно, — тягуче произнёс Джефффри и к моему разочарованию убрал пальцы. — Знаешь, как мы сделаем?..

Джонас молчал, только улыбался всё шире, и его глаза сияли ярче. Ладони брата легли на грудь и начали медленно поглаживать, играя с закаменевшими сосками. Пока ещё нежно, обводя вокруг, легонько потирая, добиваясь того, что они набухли, потемнели и стали похожи на вишни. Очень чувствительные, остро отзывавшиеся на каждые прикосновения болезненными вспышками. Пальцы Джеффа тем временем накрыли мои руки и настойчиво

потянули... вниз. К самому сокровенному, бесстыдно выставленному на обозрение Джонаса.

— Я хочу, чтобы ты тоже привыкла к себе, Мари, — тяжёлое дыхание Джеффри обжигало шею, а от его слов и действий вернулся стыд, горячей волной обливший тело.

Боже, я ещё могу чего-то смущаться?!

— Раздвинь пошире... — очередной приказ, звучавший очень пошло, и... Джефф моими пальцами раскрыл складки, заставив всё затрепетать от ожидания. — А теперь прижмись, любовь моя, вот та-ак... Молодец...

Его бёдра мягко толкнули меня вперёд, ближе к Джонасу, и одновременно я ощутила движение внутри. Не удержалась, тихо охнула от пронзивших переживаний, широко раскрыв невидящие глаза. Почувствовала, как моё нежное местечко прильнуло к горячему, напряжённому стволу сводного брата. Джон шумно выдохнул, его пальцы неожиданно сильно сжали мои соски, отчего я тихо вскрикнула, захлебнувшись воздухом. Ладони метнулись к его плечам, вцепившись в твёрдые мышцы, а потом Джеффри, крепко обняв меня за талию, чуть приподнялся вместе со мной и опустился. Это было... ошеломительно, ужасно непривычно и одновременно сладко до судорог. Я прогнулась, откинув голову, и окончательно сдалась на милость бушевавшего урагана из эмоций и ощущений. Джефф двигался во мне сзади, моё лоно, щедро увлажнённое, скользило по гладкому стволу Джонаса. Тело растворялось в волнахпряного удовольствия, приправленного горчинкой отчаяния и перцем смущения. Было так странно-приятно чувствовать себя принадлежащей сразу двум мужчинам, и теперь осознание собственной порочности лишь усиливало наслаждение...

Я забылась, сосредоточившись на своих чувствах, на том, что движения Джеффри потихоньку стали быстрее. Моё нетерпение внутри нарастало вместе с ними, я снова словно наполнялась тёмным, хмельным напитком, туманившим голову. Между ног нежная плоть уже горела огнём, вынуждая прижиматься всё сильнее в стремлении удовлетворить вожделение. Оно голодным зверьком покусывало низ живота, и в какой-то момент я вдруг чётко осознала, что моё тело жаждет заполнить пустоту *там*, где Джонас уже побывал первым... Я слышала хриплое, тяжёлое дыхание обоих, и это заводило ещё сильнее, я словно растворялась в жарком, тёмном мареве. Мои ладони соскользнули на грудь Джона, и вдруг... Он с силой сжал полушария, причиняя боль, с моих губ сорвался тихий вскрик.

— Посмотри на меня, — повелительный, низкий голос, от которого всё внутри завибрировало.

Под моими пальцами сильно, быстро билось сердце Джонаса, и сопротивляться приказу я не могла. Покорно встретила с его глазами, золото в которых приобрело красноватый оттенок, и... я заметила, как из-под моих ладоней по коже сводного брата разливается холодное голубоватое сияние. Что-то происходило, непонятное, странное, пугающее. Черты лица Джона заострились, стали хищными, улыбка превратилась в оскал. Он чуть пошевелился, и я ощутила, как гладкая головка его орудия скользнула по распаленному лону, задев пульсирующую точку и одарив обжигающим всплеском. Замерла у самого входа, дразня сжавшиеся мышцы.

— Попроси, — раздался хриплый приказ Джеффри у моего уха, и он прикусил мочку, отчего тело словно прострелила молния.

Несколько долгих мгновений я пыталась понять, о чём он, а потом вспомнила. Или я подчиняюсь, или меня... снова накажут. И почему-то казалось, что Джеффри не ограничится тем, что отшлёпает. Не в силах отвести широко распахнутых глаз от пылавшего

порочной страстью взгляда Джонаса, я облизнула сухие губы, плаваясь от приступа жгучего стыда и одновременно дрожа от предвкушения. Меня больше не было, мои желания полностью подчинялись им, этим мужчинам, сделавшим своей игрушкой. Тело кричало, чтобы его взяли снова, и... я послушно прошептала:

— Джефф... П-пожалуйста... Можно, Джонас... — запнулась, подбирая слово, и едва слышно продолжила, — войдёт в меня?..

Больше приличных выражений не нашлось, а к неприличным я даже в мыслях не была готова. Пока ещё. Джеффри тихо, насмешливо хмыкнул, его ладони легли на мои бёдра, раскрывая ещё шире, до болезненного потягивания в напряжённых мышцах.

— Можно, любовь моя, — милостиво разрешил он — я и не сомневалась, что так будет.

Игра, всего лишь игра. Вряд ли Джонасу требовалось это разрешение, он и так сделал бы по-своему, но мужчинам нравилось играть по этим странным правилам. Когда большой, горячий ствол вторгся в меня, уже легко проникая всё глубже, я тягуче, длинно застонала, подавшись вперёд вместе с Джеффри. Опустилась навстречу, чувствуя себя бабочкой, насаженной на булавку. Но это было так приятно, так упоительно... В какой-то момент мелькнула отчаянная мысль, что это не я, не мои желания, я не могу быть настолько испорченной!.. Сияние на груди Джонаса становилось ярче с каждым мгновением, и золотые глаза приобрели отчётливый рубиновый отлив. Джефф прижался к моей спине, наклонил вперёд, к Джону, и я оказалась зажата между сильными телами, распластанная, задыхающаяся и беспомощная. Слеплённая эмоциями и ощущениями, растерянная и — возбуждённая до предела.

— Вот теперь хорош-шо-о-о, — прошипел жених, и они начали двигаться.

Вдвоём. Удивительно слаженно, легко, будто много раз так делали. В груди бился крик, нарастало горячее напряжение, и острое, пряное ликование наполнило до последней клеточки. Я захлёбывалась им, не в силах насытиться, его было слишком много и... оно слишком яркое и пьянящее. Разум сходил с ума, пытаюсь вместить, я извивалась в желании избавиться наконец, подарить себе облегчение... Движения становились быстрее с каждым мгновением, низ живота превратился в огромный сгусток огня, стремительно сжигавший тело. Я уже не понимала, чей прерывистый, лихорадочный шёпот слышу:

— Ещё... Ещё, малышка, чуть-чуть осталось... Давай, девочка...

Ещё несколько особо сильных, глубоких толчков, причинявших уже болезненное, на грани, удовольствие, и моя реальность лопнула, разлетелась на осколки. Я закричала в голос, срывая горло, теряя себя и ощущая, как стремительно покидает напряжение, как из прохудившегося мешка. Утекает сквозь пальцы, принося опустошение и освобождение, и — знакомую апатию и безразличие. Кажется, я даже заплакала, и в какой-то момент сознание отключилось. Не знаю, показалось или нет, что я услышала тихие слова:

— Не перестарались? — с оттенком лёгкого беспокойства голос Джонаса.

— Вроде нет, — уверенный моего жениха, и его ладонь медленно провела по моей спине, стирая выступившую испарину. — Первый уровень привязки есть, завтра сделаем второй. А сейчас, пожалуй, ты прав. Давай-ка поступим вот как...

О чём это они?.. Разум плавал в вязком тумане, я не понимала, сон это или явь. Тело не ощущалось вообще, из меня словно выпустили весь воздух и силы. Их не осталось даже, чтобы сокрушаться о глубине собственного падения и порочности. Лишь ленивая мысль ползала толстой гусеницей: я развратная. Испорченная. Потому что смогла получить удовольствие от *такого*... Я услышала шорох, Джеффри поднялся, покинув меня, и по

обнажённой, влажной спине прошёл прохладный ветерок, заставив поёжиться.

— Любовь моя, приходи в себя, — снова раздался непривычно ласковый, мягкий голос Джеффри, а Джонас пошевелился подо мной, тоже освобождая.

Я всё ещё не могла собраться, продолжая безвольно лежать на груди сводного брата, не открывая глаз. Недавний диалог между ними оставил лишь отголосок слабого любопытства, но в голове не задержался.

— Предлагаю переместиться в спальню, — вдруг произнёс мой сводный брат, отчего я обречённо застонала.

Боже, это что, всё ещё не конец?!

— Дельное предложение, но сначала поможем нашей малышке, — отозвался Джеффри, и меня подхватили сильные руки, переворачивая.

Я снова слабо, протестуя застонала, беспомощно всхлипнув и не открывая глаз — просто не было сил поднять веки. «Нет, не трогайте меня, пожалуйста! Хватит!..» — слова так и остались произнесёнными, только по щеке скатилась одинокая слезинка. И уже всё равно, что на мне ни клочка одежды кроме чулок — в какой момент меня избавили от панталон, даже не запомнила. Не до того было.

— Ну, ну, Мари, — увещательно заговорил Джефф, и я слышала какой-то шорох. — Сейчас полегче будет, вот так. Открой ротик, будь умницей.

Нет, только не вино!.. Не хочу-у! На мои губы капнуло что-то тёплое и густое, не похожее на алкоголь, и я неосознанно слизнула. Во рту разлилась мятная прохлада, приятным ручейком скользнула в горло, освежая и удивительным образом взбадривая. Ещё несколько капель, и я снова облизала губы, чувствуя, как силы стремительно возвращаются в тело. Оставалась некоторая слабость, но странным образом приятная. Безвольной куклой я себя уже не ощущала.

— Вот и отлично, — довольно отозвался Джеффри, и его губы мягко прижались на несколько мгновений к моим, даря непривычно нежный по сравнению с остальными поцелуй. — А теперь — в спальню.

Я лишь успела судорожно вздохнуть и распахнуть глаза, как Джонас подхватил меня на руки и направился к выходу из гостиной. Сердце подскочило к горлу испуганным кроликом, я прикусила задрожавшую губу, глядя перед собой и не решаясь посмотреть на лицо брата. Опасалась, что снова увижу расплавленное золото вместо обычных глаз... Кто он? Кто мой жених на самом деле? Что они задумали со мной?! Зачем я им нужна, Господи? Страх скрёбся коготками внутри, но я опасалась задавать вопросы, понимая, что ответов не получу. А возможно, ещё и накажут за излишнее любопытство. Так накажут, что мне снова понравится...

Спальня Джонаса находилась недалеко от гостиной, чуть в глубине коридора, куда и направился мой сводный брат. Джеффри шёл следом. В доме давно царили тишина и полумрак, слуги уже спали, утомлённые приёмом и подготовкой к нему. Я очень надеюсь, что никто из них не слышал моих криков... Иначе не смогу смотреть горничным в глаза. При мысли об утре крепко зажмурилась, сжав пальцы в кулаки. Придётся ведь подумать о происходящем, никуда не деться, и о собственном... поведении и отношении. Это сейчас краем сознания я упорно не желала принимать, что это на самом деле случилось со мной. Всё казалось, просто сон, страшный, тёмный, притягательно-опасный, но — сон. Особенно золотистые глаза и свечение на груди Джонаса.

Тем временем, сводный брат дошёл до двери, ногой её открыл и переступил порог, заноса меня, как невесту. Или жену. Меня пробрала дрожь при этой мысли: боже, два года я жила с этим человеком рядом и... И не замечала? Сейчас почему-то память вдруг отчётливо начала подкидывать то, что в самом деле раньше мне и в голову не приходило принять за что-то неприличное. Джонас часто нарушал моё личное пространство, приобнимал, гладил по голове, усаживал на колени. Даже несколько раз случалось, что помогал с застёжкой на платье, уже не помню, почему горничная не могла заняться. Нет, без стука в спальню не

врывался, не пытался приставать открыто, но... Да, сейчас я вспомнила и длинные взгляды со странным огоньком, и ласкающие прикосновения. Однако я была слишком юной и неискущённой, чтобы принять это за что-то другое, а не за заботу, а потом, после моего семнадцатого дня рождения, спустя несколько месяцев Джеффри вдруг стал за мной ухаживать. С разрешения Джонаса. Брат сам намекнул, что лучшей партии для меня не найти... Восемнадцать мне исполнилось всего несколько недель назад, Джеффри сделал мне предложение, и — вот, помолвка. Перевернувшая мою жизнь полностью.

— Вот, малышка, сейчас приведём тебя немножко в порядок, — вырвал из задумчивости голос Джонаса, и я осознала, что мы стоим в просторной купальне в его спальне.

Я ни разу здесь не была, да и зачем бы мне заходить в личную комнату опекуна? Невольно огляделась со слабым любопытством. Большая ванна, утопленная в полу на возвышении, к ней вели ступеньки. Вода уже наполняла её, исходя паром, и мне немедленно захотелось окунуться, смыть с себя ощущения прикосновений... Несколько светильников давали уютный желтоватый свет. Большое зеркало в полный рост, около него — умывальник. На крючке висел махровый халат, внизу на скамейке лежало полотенце. Джонас поднялся к ванне и поставил меня сначала на край, снял чулки. Потом подтолкнул к воде, забрался сам и потянулся к мочалке и куску ароматного мыла. Я смотрела в сторону и молчала, всё так же сжимая кулаки, послушно позволив Джону намылить меня. Ноги уже не дрожали, и слабость почти прошла. Мелькнул отстранённый вопрос, чем же меня в очередной раз напоили, что усталость от бурных утех так быстро исчезла. Хорошо, что голову не туманило, как от вина.

Джон медленно смывал с моего тела следы недавней страсти, и в какой-то момент от бережных, мягких прикосновений я поймала себя на том, что моё дыхание сбивается, становится глубоким и частым. Опять?! Почему, Господи, ну почему они так действуют на меня! Мочалка провела по груди, оставив на вершинках шапки пушистой жемчужной пены, спустилась по животу в самый низ, и Джонас, остановившись за моей спиной, обвил рукой талию.

— Раздвинь ножки, — вкрадчиво попросил он, тесно прижимаясь ко мне. — Помоем тебя везде, Мари-и.

Так же молча я повиновалась. Мочалка скользнула по нежному местечку, принося облегчение, всё же, ему досталось сегодня, и сильно. Я опять отметила, что боли нет, только тянуло мышцы, да внутри оставались лёгкие неприятные ощущения. Мне казалось, всё будет гораздо хуже после того, что со мной сделали Джонас и Джеффри... Странное дело, но то ли тело оказалось выносливее, то ли так подействовало то, чем меня напоили жених и брат. Я чувствовала себя почти в порядке — физически. И когда пальцы Джона словно невзначай задели несколько раз ту самую точку между складок моего лона, я вздрогнула от прилива ощущений. Тело отозвалось, о да, предательски вздрогнуло от вроде бы случайной ласки. Около уха послышался тихий, довольный смешок, и Джонас убрал руку с мочалкой, отстранился, всё так же придерживая меня за талию.

— Наклонись, малышка, — следующая мягкая просьба. — Займёмся твоей попкой, она сегодня многое пережила, — понизив голос, добавил он, и я отчаянно покраснела от вспыхнувшего стыда и сладкого томления, залившего низ живота.

Память услужливо подсунула непристойные картинки, то, как я стонала и извивалась от удовольствия... Подавилась вздохом, чувствуя, как мочалка смывает следы страсти с моей

попки, и порадовалась, что Джонас не видит сейчас моего лица, пылающего от замешательства. Оно лучше любых слов доказывало, насколько я испорченная, оказывается... Закончив с помывкой, Джон надавил на плечи, заставив опуститься в воду и смыть пену, потом помог выйти из ванны и вытер, хотя я вполне могла справиться и сама с этим простым делом. Но я помалкивала, уже усвоив главный урок: от меня ждут покорности и только. Мои желания не имеют никакого значения, точнее, они должны совпадать с желаниями Джонаса и Джеффри. Мне предстоит научиться их угадывать...

— Готово. Иди в спальню, сестричка, — Джон снял с меня полотенце, развернул к двери и подтолкнул, легонько шлёпнув по попке.

Последнее слово резануло слух, я отчётливо расслышала, с каким удовольствием опекун его произнёс. Даже думать не хочу о том, что случилось бы, окажись мы всё же родными... Это слишком страшно и грязно. Я вышла из уборной, глядя в пол. Рассматривать спальню Джонаса не было никакого желания, краем глаза отметила широкую кровать под балдахином, с резными столбиками по углам, да камин напротив. Комнату освещал лишь огонь, по углам притаился полумрак.

— Мари-и, — раздался тягучий голос Джеффри со стороны кровати, и я невольно вздрогнула, поёжившись и обхватив себя руками. Мой взгляд заполошно метнулся в ту сторону: жених вытянулся на покрывале, на боку, подпирая локтем голову, и не сводил с меня поблёскивавших в полутьме глаз. — Иди сюда, любовь моя, — тоном, не допускавшим возражений, добавил Джефф и похлопал ладонью рядом с собой.

Колени разом ослабли, я с отчаянием поняла: нет, меня ещё не собирались оставлять в покое. Тело сначала задеревенело, а потом подчинилось, я медленно сделала шаг, потом ещё один. Взгляд Джеффри творил странное: от него, бесстыдно блуждавшего по мне, стало жарко, и знакомая истома начала потихоньку разливаться от низа живота вверх, к груди. Вершинки тут же напряглись, вызываяще торча, готовые к ласке. Тепло перетекло в руки и ноги, охватило шею и опалило лицо, заставив дышать чаще и глубже. О, Господи. Теперь я знала, что это такое: возбуждение. И я снова испытывала его под порочным взглядом Джеффри...

Дойдя до края кровати, я на мгновение остановилась, и жених тут же уточнил:

— Ложись на спинку, Мари. И ножки пошире.

Звучало... многообещающе. Я с тоской осознала, что в эмоциях больше предвкушения, чем отчаяния, ведь тело уже готово к продолжению. Сознание съёжилось и уползло в дальний уголок души, не желая принимать участие в происходящем, и мне оставалось лишь отдаться на милость разбуженным инстинктам. И двум мужчинам, превратившим меня всего за один вечер в распутницу, послушно подчинявшуюся их тёмным желаниям. Идеальную игрушку. Джеффри улыбнулся шире и поманил к себе, и я забралась на кровать, на четвереньках поползла на середину, где он лежал. Позади едва слышно скрипнула дверь уборной, и я услышала шумный вздох Джонаса. Не стоило представлять, какой вид ему открылся сзади, потому что предавшее меня тело тут же откликнулось на развратную картинку. Выгнулось, выставя бесстыжим глазам ещё больше сокровенного, а моя голова опустилась ниже, и на покрывале появилось тёмное пятнышко: с ресниц упала одинокая слезинка. Знакомый жар растёкся по нежному местечку, оно красноречиво увлажнилось, а мышцы сжались от воспоминаний о вторжении твёрдого и горячего ствола.

Я молча добралась до Джеффри и покорно легла, как он просил. На спину, широко расставив согнутые в коленях ноги. Мой взгляд упёрся в бархатные складки, и на несколько

мгновений я словно увидела себя со стороны, поднялась над телом, получив пару секунд драгоценной свободы. Остаться бы здесь, и пусть что хотят, делают, сознание в *этом* участвовать не будет...

— М-м-м, какая послушная де-евочка, — мурлыкнул Джеффри, прижавшись ко мне, и положил мою ногу себе на бедро, его ладонь медленно провела по внутренней стороне. — Заслуживаешь поощрения, любовь моя. Как считаешь, Джон?

Мой сводный брат пристроился рядом, с другой стороны, и моя вторая нога оказалась на нём. Знакомое ощущение открытости и незащищённости зажёгло настоящий пожар в крови. Я прерывисто вздохнула, прикрыв ресницы и погружаясь в то тёмное и сладкое, запретное и одновременно притягательное, что проснулось во мне этим вечером. Я больше не могла сопротивляться и обманывать себя: мне нравилось. Господи, прости, мне нравилось, что они со мной делали. Может, утром я по-другому посмотрю на случившееся, и станет невыносимо стыдно с этим жить, но... Сейчас я послушно выгнулась, безмолвно напрашиваясь на откровенную ласку, и уже было всё равно, сделают они это вдвоём или по очереди. Однако оказывается, мои развратные соблазнители приготовили для меня кое-что иное...

— Согласен, Джефф, — отозвался Джонас, и его ладонь повторила путь по другой ноге.

Но не дошла до самого сокровенного, остановившись в нескольких сантиметрах, как и рука Джеффри. Жених приблизил губы к самому уху, опаляя дыханием, и шепнул:

— Хочешь снова кончить, Мари? Хочешь, я вижу. Я научу тебя, как сделать это самой. Прикоснись к себе внизу, любимая, — последовал приказ. — Покажи нам с Джоном, какая ты прилежная ученица.

От его откровенных, непристойных слов меня охватил такой стыд и замешательство, что на несколько мгновений пропало дыхание и потемнело перед глазами. И вместе с тем... О, боже, я хотела, да. Хотела подчиниться, познать новые грани тёмного удовольствия, от которого внутри всё сжималось в предвкушении и нетерпении. Горячая волна подхватила, затянула в водоворот, и моя рука послушно поползла по животу вниз, туда, где всё ждало и изнывало в ожидании порочной ласки. Пальцы коснулись увлажнённых складок и замерли в нерешительности, я тяжело дышала, приоткрыв рот. Пряное смущение и возбуждение заставили задрожать, тихий стон замер на губах.

— Подумай о том, что сегодня с тобой было, малышка, — зашептал с другой стороны Джонас, поглаживая моё бедро слишком близко от сокровенного. — Расскажи, тебе понравилось, когда я ласкал тебя здесь? — я почувствовала, как его пальцы нежно обвели открытое местечко, не дотрагиваясь до горевшей плоти.

Я больше не принадлежала себе. Мои мысли, чувства, эмоции — они подчинились горячечному шёпоту, повелительному тону, сквозившему в каждом слове Джонаса.

— П-понравилось... — послушно выдохнула я, и уже мои пальцы, дрожащие и слабые, скользнули чуть дальше, повинувшись руке Джеффри — он накрыл мою ладонь и легонько подтолкнул.

— Вот здесь, любовь моя, — вкрадчиво добавил он, направляя мои действия. — Погладь, смелее...

Прикосновение к очень нежному, откровенно мокрому местечку вызвало новый прилив эмоций, ярких и сильных. Я в самом деле впервые это делала, и... получала удовольствие. Развратные вопросы и собственные ответы лишь усиливали его, и голова кружилась уже без всякого вина и добавок. Бёдра подались навстречу собственным пальцам, и они безошибочно нашли ту самую волшебную точку, от которой по телу стремительно расходилось наслаждение.

— Рукой или ртом, Мари-и? — продолжил непристойный допрос Джонас, его губы скользили по моей щеке, шее, плечу, добавляя ощущений.

И я подставлялась под них, поворачивала голову, слепо тянулась к нему, жаждая поцелуя. Страстное, непреодолимое желание хлебнуть острого удовольствия сполна, снова наполниться им до краёв сжигало изнутри, и я не могла больше сопротивляться.

— Ртом... — хрипло повторила свой недавний ответ, смущение лишь на мгновение кольнуло и растворилось в жаркой истоме разбуженной страсти.

Я услышала тихий, довольный смешок, и мой затуманенный взгляд метнулся к Джеффри. Он, привстав и опираясь на локоть, не отрывал горевших расплавленным золотом глаз от моих широко раскинутых ног и... с неприкрытым вождением наблюдал за моими действиями. В бедро упиралось нечто твёрдое, и я поняла, что Джефф снова возбуждён. Но это уже не пугало, нет... Собравшиеся в тугие бутоны соски болезненно ныли, требуя внимания, и прежде, чем поняла, что делаю, я без всяких просьб сама накрыла ладонью вызывающе торчавшую вершинку. Осторожно сжала твёрдый шарик, и от вспышки удовольствия тихонько всхлипнула, прикусив губу и чуть выгнувшись. О да, да!! Мой собственный палец внизу медленно, нежно обвёл пульсировавший огнём, трепещущий кусочек плоти, и я потерялась в водовороте тёмных, остро-сладких ощущений. А вопросы и

не думали прекращаться, щедро сдабривая мои эмоции жгучим перцем смущения.

— Хотела бы ещё так?.. — Джонас наклонился низко-низко ко мне, подушечкой обвёл контур моих приоткрытых, дрожащих губ.

Его глаза тоже налились тяжёлым золотом, а порочная и одновременно ласковая улыбка обещала целую бездну упоительного, развратного удовольствия. И я была совсем не против получить его. Какая-то часть моего разума, совсем маленькая, отстранённо наблюдала, застыв от ужаса и осознания глубины собственного падения и испорченности. Но я не обращала на неё никакого внимания, полностью погрузившись в эмоции, отдавшись во власть тёмных желаний, объединявших сейчас нас троих.

— Д-да, хотела... — лихорадочно прошептала я, сильнее выгибаясь под своими же прикосновениями.

Улыбка Джонаса стала шире, и он прижался к моему рту, облизывая, посасывая и чувствительно покусывая. Я ответила, подавшись вперёд, продолжая играть с набухшим соском, который покалывало от прилившего возбуждения. Мой палец тоже двигался вниз, чуть быстрее, скользя по складкам, дразня чувствительное местечко. Бёдра подхватили плавный ритм, непристойно изгибаясь, и осознание, что Джеффри всё видит и смакует каждое мгновение, пронзило вдруг такой острой молнией удовольствия, что я глухо застонала в губы Джона. Приникла к ним до боли, шире раскрывая рот и впуская его язык глубже, делая поцелуй ещё откровеннее. Мир закружился, распадаясь на осколки...

— А вот та-ак?.. — оторвавшись от моего дрожащего, пересохшего рта, таким же хриплым от страсти голосом спросил Джон, пригвоздив своим горящим взглядом.

Ощувив, как его палец медленно входит в меня, легко скользнув в давно готовое лоно, я охнула и широко распахнула ресницы, захлебнувшись хмельной волной наслаждения. За первым проник и второй, сильнее...

— Тебе понравилось, когда здесь был мой член? Когда двигался в тебе, малышка, а? — от его вопроса тело словно окунули в жидкий огонь, я изогнулась навстречу руке Джона, не отнимая собственных пальцев от нежного местечка. — Ты так сладко стонала, Мари-и, так громко кричала...

Горячее дыхание брата обжигало мой рот, я уже ничего не чувствовала внизу живота, кроме голодной, жадной пустоты, разраставшейся с каждым мгновением. Знакомое напряжение стремительно росло, и одновременно хотелось, и не хотелось закончить эти мучительно-острые секунды ожидания, предвкушения. Мой палец чуть-чуть замедлился, не давая сорваться за грань прямо сейчас. Мышцы сжались вокруг пальцев Джонаса, двигающихся внутри меня. И я ответила на вопрос брата, лихорадочно облизнув припухшие после его поцелуя губы:

— Д-да... понравилось...

Я знала, он хотел услышать именно это, и это было правдой. Насколько страшной и неприглядной в своей откровенности, подумаю утром... Не теперь... Всхлипнула и тут же длинно застонала, ощутив особо сильный толчок внутри. Бёдра приподнялись, впуская глубже, а ноги раздвинулись шире. Тело извивалось в желании получить больше, ещё больше, ярче. Я уже не различала реальность, превратившись в сгусток желания и эмоций, дрожала на самой грани, чувствуя, что ещё немного — и потеряю сознание от заполнявшего меня нетерпения. Смутно отметила, что мою вторую грудь тоже начали уверенно ласкать — наверное, Джеффри, потому что это его тело прижалось ко мне с другой стороны. И его голос выдохнул в ухо следующий вопрос:

— И ещё хочешь, пра-авда? А когда нас двое было, любовь моя? Когда мой член был в тебе вот где-есть?..

Всего лишь на несколько мгновений его палец проник в меня с другой стороны, в тугое колечко, совсем неглубоко, и этого хватило, чтобы выгнуться дугой, закричать и забиться в наступившем освобождении. Я снова ослепла и оглохла, переполнявшее меня возбуждение хлынуло огромной волной, принося знакомое облегчение и опустошение. Глаза закрылись, отрезая от окружающего, от спальни, от мужчин рядом. Я обмякла, тяжело дыша, сердце бухало в груди кузнечным молотом, и воздух то и дело застревал в горле. Снова очень хотелось пить, или... Вдруг возникла мысль о приятном, мятном вкусе, который так здорово освежал и прогонял усталость. Я непроизвольно облизнулась, пытаюсь выбраться из вязкого тумана бессилия, смутно почувствовала, как рядом пошевелились мужчины, аккуратно убрав с себя мои ноги. Ужасающая слабость растекалась по мышцам, и самой шевелиться было почти невозможно. Я лишь тихо, прерывисто вздохнула, не открывая глаз и вяло подумав, что хорошо бы снова посетить умывальню...

— Это было чудно, Мари-и, — с чувством выдохнул Джеффри, убирая с моего лба влажный локон, и нежно погладил мою щёку. — Ты молодец.

— Пить... — сипло выдохнула я, снова облизнув пересохшие губы.

На большее меня не хватило, тело превратилось в желе. Из него будто вынули все кости. Даже глаза не открывались, веки были тяжёлыми, как свинцом налились. До меня донёсся шорох, и в следующий момент я ощутила знакомую мятную свежесть на губах, тут же жадно слизнув прохладные капли, глотая сладкую жидкость.

— Думаю, на сегодня хватит, — мягко произнёс Джонас, и я не сдержалась, всхлипнула от облегчения, чувствуя, как по виску сползает тёплая слезинка.

И ещё несколько капель увлажнили мой рот, даря восхитительный вкус. Неужели?.. Меня оставят наконец в покое? Словно угадав мои мысли, кто-то поднял моё безвольное тело и понёс куда-то. Я прислонилась к плечу, пребывая в полусне, мыслей в голове не осталось никаких. Смутно помнила, как меня опустили в тёплую воду, неожиданно бережными движениями обмыли, потом вынули и вытерли насухо. Снова понесли... Уложили на мягкую кровать, с двух сторон прижались горячие тела и оплели сильные руки. Я уже стремительно уплывала в сон и потому не знала, услышала ли на самом деле тихий разговор, или мне это уже привиделось.

— Ты такая вкусная, любовь моя, это непередаваемо... — голос Джеффри, довольный и с нежными нотками.

Его губы на мгновение прижались к основанию шеи и тут же отстранились.

— Мы не ошиблись, малышка, — а это уже тихий шёпот Джонаса. — Ты просто находка... Чудесная и сладкая... Такая послушная и страстная...

Меня накрыл тёмный полог сна, даря милосердный покой и тишину. Вечер, перевернувший всю мою жизнь, закончился. А что готовило утро и следующий день, я узнаю, когда проснусь. Но это будет только завтра, сейчас я крепко спала, больше ни о чём не думая.

По моему телу ласково скользили тёплые ладони. Пальцы осторожно, едва касаясь, рисовали на спине узоры, щедро рассыпая по коже волны мурашек. Какой чудесный сон... Я тихо вздохнула, пошевелившись и отчаянно не желая выплывать из уютной неги. Пусть этот сон продолжается, пожалуйста! Мне нравилась эта нежность, хотя бы во сне... Пальцы спустились ниже, к пояснице, обвели ямочки, и тело ответило мягкой истомой, послушно выгнувшись. Ему тоже нравились эти прикосновения, и потихоньку к томлению примешивалось и другое чувство. Желание. Мне хотелось большего, чем просто ласковые поглаживания, хотелось сделать сон ещё волшебнее и приятнее. И никаких откровенных, развратных вопросов, вообще чьих-то голосов... Я была наедине с собой и своим удовольствием, качалась на мягких волнах, и согнутая нога сама поползла выше, открывая моё лоно для более откровенных ласк. Попка приподнялась, безмолвно приглашая, и мой невидимый любовник охотно принял его.

Пальцы погладили ягодицы и медленно, осторожно проникли между красноречиво увлажнившихся складочек. Скользнули по нежной плоти, обвели местечко, где сейчас сосредоточились все мои желания. Я задышала чаще, нега сменилась горячей дрожью возбуждения. Сквозь туман попыталась пробиться мысль, а насколько это уже не сон, но утонула в жарком мареве, окутавшем сознание. Уже познавшее наслаждение тело налилось приятной тяжестью, внутри росло напряжение. Кровь зашумела в ушах, мои пальцы сжали простыню — рука между моих ног задвигалась быстрее, точно угадывая правильный ритм. Дрожь усилилась, я зажмурилась крепче, задыхаясь от наслаждения, бёдра подавались навстречу, и уже стало всё равно, сон это или явь. Нараставшие ощущения обдавали горячими брызгами, перед глазами то и дело вспыхивало, отзываясь на откровенные прикосновения. Я снова терялась и тонула, позволяя эмоциям утягивать за собой в сладкую бездну. В какой-то момент стало неудобно лежать: напрягшиеся, болезненно нывшие соски затвердели и тёрлись об тонкий лён, примешивая острую нотку к наслаждению.

— Ещё... Ещё чуть-чуть... — сорвалось с моих губ умоляюще, я сама не поняла, как так получилось, произнести эти слова.

Ласкающий палец мягко нажал на горевшую огнём точку, и я ухнула в сверкающую пропасть, не сдержав длинного, тягучего стона и выгнувшись. Ощущения усилились стократ, когда я почувствовала проникновение, всё тех же пальцев, и сон окончательно улетучился, сгорев под натиском жарких волн. Я не сразу вернулась в реальность, немного ошеломлённая таким началом утра, даже когда талию обвила сильная рука, переворачивая и прижимая спиной к мужскому телу.

— С добрым утром, малышка, — раздался мурлыкающий голос Джонаса над ухом, и я окончательно проснулась.

Это его рука подарила мне такое волшебное пробуждение. Осознание обрушилось ледяным душем и одновременно бодрящей дрожью, в памяти вспыхнули картинки всего того, что со мной происходило вчера. Мне казалось, после этого я забуду, что такое стыд, но ошибалась. Кровь прилила к щекам, дыхание сорвалось, а не до конца успокоившиеся эмоции обдали знойным ветерком. Мои глаза распахнулись, чтобы встретиться с внимательным взглядом Джеффри и его ленивой, порочной усмешкой. В ней крылось то самое ожидание, от которого у меня внутри всё сжалось, а внизу живота разлилась знакомая

истома. Тело снова хотело...

— Сладко было, да, любовь моя? — протянул Джефф, и в синеве его глаз отчётливо блеснули золотистые искры. — Мне понравилось, как ты стонала.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я стремительно летела в пропасть без дна, чернее самой тёмной ночи. Сон закончился, и вернулась реальность, неприглядная, но такая притягательная. Неужели я всего за один вечер стала настолько испорченной, что... так быстро впала в порочную зависимость от удовольствия, что сулил взгляд Джеффри? Удовольствия с оттенком греха, неправильности, и при одной только мысли мышцы послушно сжимались, жажда его получить как можно скорее. Я не успела сообразить, нужен ли жениху мой ответ. Джонас убрал палец, и через мгновение оказался у моих губ, коснулся, настойчиво пробираясь внутрь. Осознание, что совсем недавно он побывал... во мне, и это свой вкус я сейчас ощущаю, заставило судорожно вздохнуть и открыть рот. Я оказалась совсем не готова к тому, что тело отзовётся волной возбуждения, скручивая низ живота в голодном спазме. А язык в самом деле ощутил слабый привкус малины, сливок и карамели...

Ладонь Джонаса сжала мою грудь, играя с твёрдым соском, а Джеффри улыбнулся шире, с таким предвкушением, что я едва не охнула от пряной смеси эмоций, плеснувшей в голову.

— Оближи, — шепнул Джон, и его палец пошевелился, погладив мой язык.

Непристойная просьба заставила сердце суматошно забиться в груди. Я послушно выполнила, не отрывая напряжённого взгляда от Джеффа и краем глаза заметив, что... он уже вполне готов к продолжению утра. Прямо смотреть *туда* всё ещё не позволяли остатки скромности. Хотя что-то подсказывает, сегодняшний день разорвёт их в клочья, оставив мне лишь обнажённые инстинкты и желания.

— Мари-и, — тягуче позвал Джеффри, и напряжённые нервы задрожали от его низкого голоса. — Я хочу твой ротик. Сделаешь мне так же сладко, любимая, как Джон сделал вчера тебе? — его голос стал совсем вкрадчивым, бархатным.

Палец брата покинул мой рот, а меня бросило в жар от услышанного. О, мне хватило сообразительности понять, чего хочет Джефф. Я думала, большего стыда, чем вчера, не смогу испытать? Как же я ошибалась. Замешательство выбило из груди воздух, мой ошалелый взгляд остановился на восставшем достоинстве Джеффри. Большом. Твёрдом. И... Жених хотел, чтобы я... взяла *это*... В горле образовался горький ком, я с трудом сглотнула. «Не-е-ет!!» — забился в груди тоненький крик, но так и остался там. Я знала, что мои возражения никто не станет слушать, как и вчера. И... Меня заставят и от *такого* получить удовольствие. Извращённое, тёмное, горьковатое, как патока. Я напряжённо застыла в объятиях Джонаса, молча наблюдая, как Джеффри поднялся, небрежно откинув с ног одеяло, слез с кровати и повернулся ко мне, чуть расставив ноги и уперев руки в бока.

— Иди сюда, любовь моя, — ласково позвал Джефф и поманил к себе. — Я тебя жду. Мы тебя ждём, — с похабным смешком добавил он, и меня передёрнуло.

Мне придётся это сделать. Если не подчинюсь добровольно, меня заставят... Я даже думать не хотела, каким образом. Джонас разжал руки, я судорожно сглотнула и выпрямилась, не в силах отвести взгляд от того, что скоро должно оказаться у меня во рту. Мелькнула тоскливая мысль о сегодняшнем пробуждении, как чудесно было ощущать ласки сквозь сон. Такие нежные и... правильные. Насколько сильно отличалась эта реальность от той.

— Встань на колени, Мари, — следующий приказ, отданный мягким голосом. — Так будет удобнее. Всем, — и снова усмешка, и золота в синей радужке стало отчётливо больше.

Я молча повиновалась, ощущая, как дрожь пробирает до самой глубины, и встала на четвереньки, медленно поползла вперёд. Эти несколько метров казались бесконечно долгими, а когда позади раздался шумный вздох Джонаса, руки едва не подогнулись от охватившего замешательства пополам с... волнением. Потому что пришло острое осознание, что именно видел сейчас Джон, и тело в очередной раз предало, томно выгнувшись и дразняще выставив попку. И опять эмоции смешались: страх, отвращение, беспомощность, и вместе с тем — возбуждение и нетерпение, от которых между ног всё изнывало в жажде непристойных прикосновений. Да, можно даже языком... И губами... Как вчера...

Пришлось прикусить губу: я едва не охнула в голос от прострелившей молнии наслаждения. Картинки никак не желали выходить из головы, усиливая замешательство и жар внизу живота. Я настолько отвлеклась на собственные переживания, что даже не заметила, как добралась до края кровати. И до Джеффри, ждавшего меня там. Когда перед моим лицом оказался его напряжённый ствол, так неожиданно близко, я едва не отпрянула, но не успела. Пальцы Джеффа ловко собрали мои светлые волосы, крепко сжав их так, что отвернуться я не могла. Ноздрей коснулся тонкий, пряный запах, и я растерялась: он не был неприятным.

— Посмотри на меня, — тихо позвал Джефф уже чуть охрипшим тоном, и я послушно подняла взгляд, замерев и дрожа от напряжённого ожидания.

Жених тяжело, неровно дышал, и золото заполнило целиком и радужку, и зрачок, расплываясь дальше. А ещё, я уловила, как под кожей, на груди Джеффри, начинает проступать слабое голубоватое сияние... Такое же, как у Джонаса вчера.

— Поцелуй его, — требовательно произнёс он, и золото в его глазах вспыхнуло ярче.

Я сглотнула, чувствуя, как дрожь стала сильнее, и вытянула губы, всё так же послушно глядя на Джеффри. Они коснулись гладкой, горячей кожи, немного влажной, и я тут же отстранилась, еле удержавшись от неосознанного желания вытереть ладонью рот. И в то же время с тревожным удивлением поняла, что... мне не столько неприятно, сколько... Ужасно стыдно. Так, что кости горели и плавились, кожа норовила осыпаться пеплом от жара, сжигавшего лицо. Я стою на коленях перед Джеффри, обнажённая, и послушно целую его... член, а жених при этом держит меня за волосы, как какую-то... уличную девку... Боже. Самое ужасное, что к стыду примешивалось возбуждение. Тёмное, греховное, но оно было, как я и предполагала. Собственная покорность и непристойные действия заводили почти так же сильно, как и прикосновения и откровенные ласки. Я почувствовала, как моё лоно увлажнилось ещё больше и налилось жаром, и едва не всхлипнула от раздиравших меня эмоций.

— Коснись язычком, — продолжил направлять мои действия Джеффри, гипнотизируя своим странным взглядом, а сияние на его груди становилось ярче с каждым мгновением. — Лизни... обведи кончик...

Мой язык послушно следовал указаниям, пробуя на вкус плоть жениха, горячую и удивительно нежную. Почти как у меня. Странно, но отвращение не спешило приходить, я больше боялась того, что мне предстояло сделать, вдруг осознала отстранённо. Противно не было. Ужасно непривычно, даже унижительно в чём-то, но пока что откровенно неприятные ощущения не посещали. Пришло обречённое осознание, что я на самом деле в душе настолько падшая, что легко смирилась с тем, что происходит со мной. И даже получаю от

этого удовольствие.

— Обхвати губками, любовь моя, — выдохнул Джефф почти шёпотом и чуть подался вперёд, на его лице проступало нетерпение. — Только головку, и пососи...

Я задохнулась от этих слов, от того, что мне предстояло сделать сейчас. По телу прошла горячая волна, я, не сводя глаз с жениха, покорно разомкнула губы, впуская в рот его твёрдый ствол, пока ещё не на всю длину. Джеффри шумно выдохнул, сильно сжав мои волосы, причиняя боль, и вдруг в этот же момент шелковистых, мягких складок между ног коснулись чьи-то пальцы, уверенно раздвинули их. Мои глаза широко раскрылись, из горла вырвался сдавленный возглас, а Джефф, чуть наклонившись, жёстко ухватил за подбородок. Его глаза сузились, золото в них полыхнуло, а я обнаружила, что мой рот широко раскрыт и... я не могу его закрыть. Напряжённый член неумолимо продвигался вперёд, заполняя всё дальше. Мне оставалось только судорожно сглатывать, борясь с желанием вытолкнуть его из себя, избавиться. Боже, а если я подавлюсь?! Если... Если Джефф не рассчитает и слишком увлечётся?! Переживаний добавлял палец Джонаса сзади, неторопливо блуждавший по самому сокровенному, дразня и возбуждая ещё сильнее. Он пока не трогал чувствительное местечко, не пытался проникнуть внутрь, но мне и этого хватало.

Попка сама задралась вверх, когда тело прогнулось, ноги приглашающе раздвинулись. Пока одна часть меня сгорала от нетерпения снова окунуться в бодрящие, горячие эмоции, другая оцепенела от замешательства, ощущая нечто большое, твёрдое и горячее во рту. И оно двигалось, сначала вперёд, а потом назад, и снова вперёд, уже резче и сильнее. Пальцы Джеффа всё так же удерживали меня от опрометчивых поступков, не давая прервать удовольствие — его удовольствие. Всё происходило слишком быстро, и слишком много впечатлений сейчас обрушились на меня, противоречивых и одновременно знакомых. Я потерялась в них и далеко не сразу осознала, что Джеффри стремительно ускоряет темп, отпустив мои волосы и уже двумя ладонями стискивая моё лицо.

— Да, Мари, да-а... — лихорадочно шептал жених, откровенно имея мой беспомощно открытый рот, а я лишь судорожно дышала, вцепившись скрюченными пальцами в простыню.

Я была права, они заставят меня испытывать удовольствие от всего, что делают со мной, независимо от моего желания. Потому что дразнящий палец Джонаса играл с моей налившейся вожделением плотью, посылая по телу волны дрожи и не давая сосредоточиться на том, что делал Джеффри. А он... Ещё несколько сильных, почти до упора, рывков, и мой рот наполнился вязкой, густой жидкостью, хлынувшей в горло.

Я судорожно сглотнула, задохнувшись, попыталась отпрянуть, но Джефф держал крепко, не давая отстраниться, вытолкнуть из себя. И... Странно. Очень странно. Это не было неприятно, у жидкости оказался прохладный, немного пряный привкус корицы. Я замерла, растерявшись, и неосознанно снова сделала глоток, поймав себя на том, что... мне вкусно. Сжавшийся в первые мгновения желудок разом успокоился, и мои губы сами плотнее обхватили обмякшее достоинство Джеффа, я уже без дополнительных просьб облизала, собирая последние капли. Не буду думать, *что* я сейчас делаю и почему. Просто не буду. Иначе... Сойду с ума. Господи, прости, мой жених только что поимел мой рот, и... и я с удовольствием подчинилась.

Голубоватое сияние на его груди вспыхнуло последний раз особенно ярко, и потихоньку меркло, по лицу Джеффри разливалось откровенное блаженство, а пальцы, зарывшись в волосы на моём затылке, мягко поглаживали. Как кошку. И мне захотелось замурлыкать от этой ласки, выгнуться и потереться об его руку...

— Очень неплохо для первого раза, любовь моя, — хрипло произнёс Джефф, наконец отстранившись, его довольные глаза медленно обретали прежний цвет, золото уходило из них. — Я хочу, чтобы ты делала так каждое утро, Мари, — будничным тоном добавил он, отвернувшись, и подошёл к тумбочке у кровати. — Будила меня своим чудным ротиком. На, выпей, — только тут я обратила внимание на стоявший там бокал с тёмной жидкостью.

Когда он там появился, не знаю, и надеюсь, не слуги принесли, пока я спала. От мысли, что меня могли увидеть в этой спальне, в одной постели с женихом и сводным братом... Додумать не успела. Палец Джонаса вдруг погрузился в меня, глубоко, резко, и я коротко вздохнула, широко раскрыв глаза от вспышки ощущений. Бёдра подались назад, насаживаясь, мышцы приглашающе сжались, красноречиво давая понять, что тело уже давно готово. Утро продолжалось... Джон тоже хотел получить свою порцию удовольствия. И я согласна была подарить ему его... Джеффри подошёл и поднёс бокал к моим губам, я послушно сделала глоток, уже не задумываясь, а добавлено ли туда что-то. Вряд ли, ведь и без того я вела себя так, как им нужно, обоим. У вина оказался знакомый мятный привкус, и я жадно приникла к бокалу, выпивая всё до дна. Мята смешалась с корицей, а Джон, не вынимая из меня пальца, начал медленно целовать мои ягодицы, его ладонь обхватила грудь, сжимая и поглаживая давно напряжённые и ноющие соски. Они с радостью приняли грубоватую ласку, и я неосознанно выгнулась, подставляясь под неё. Стало невыносимо жарко, воздуха не хватало, я снова оказалась во власти умело разбуженного вожделения и жаждала продолжения.

— Послушная девочка, — со смешком произнёс Джонас и накрыл меня сверху, убрав руку и прекратив откровенные ласки.

Я едва разочарованно не застонала, в последний момент сильно прикусив губу. Что-то во мне, остатки гордости, наверное, не желали показывать, как быстро я стала зависима от этих порочных прикосновений и удовольствия, которое они дарили.

— Малышка, как ты хочешь, чтобы я тебя взял? — обжёг ухо горячий шёпот Джонаса — теперь и вторая его ладонь принялась мять и дразнить мою грудь, сжимая и оттягивая затвердевшие соски. К ягодицам прижался напряжённый ствол, и я неосознанно приподняла бёдра, сдаваясь под напором сокрушающей страсти, бушевавшей в крови. — Как обычно, или в твою упругую попку, м-м, Мари-и? — от того, как протяжно Джон произнёс моё имя,

внутри всё затрепетало, а ещё — он меня спросил.

Не знаю, почему я поверила, что ему и правда интересно моё желание, но ответила честно, не задумываясь, а какой ответ ждёт брат.

— Как... обычно... — прерывисто произнесла я, прикрыв глаза и чуть откинув голову, медленно погружаясь в тёмный океан жарких эмоций.

Тело уже давно не принадлежало мне, горевшее в огне вожделения, оно послушно подчинялось ладоням Джонаса, по-хозяйски ласкавшим его. Грудь, живот, мимолётное прикосновение к влажному лону — ровно настолько, чтобы я вздрогнула и судорожно вздохнула от яркого укола удовольствия. Снова грудь, и сладкая боль от набухших вершинок, попавших в плен жёстких пальцев Джона.

— Хитрюга, — брат рассмеялся мурлыкающим смехом, и где-то на самой границе сознания яркой искрой вспыхнуло смутное беспокойство. — Я знаю, что твоя попка ещё не совсем привыкла, малышка, и туда тебе понравилось меньше, — он выпрямился, его ладонь нажала на мою поясницу, вынуждая прогнуться ещё больше и почти лечь на постель. Та самая часть тела, которая, похоже, привлекала больше интереса мужчин, чем всё остальное, оказалась бесстыдно выставлена вверх и... раскрыта ещё сильнее. — Но я тоже хочу её попробовать, Мари-и, — с отчётливым предвкушением произнёс Джонас, и ягодицу обжёг шлепок.

Несильный, но чувствительный, и с моих губ от неожиданности сорвался тихий возглас. Прохладным ветерком мелькнула одинокая, грустная мысль: «Не надо... Не туда, пожалуйста...» Она утонула в горячем мареве порочной страсти, охватившей меня до самой последней клеточки. Уже мало отдавая себе отчёт в том, что делаю, я уткнулась лбом в покрывало, крепко зажмурившись, и послушно раздвинула ягодицы, следуя желаниям Джонаса. Непристойным и неправильным, но... таким притягательным.

— Послу-у-ушная, — тягучий, бархатистый голос Джона заставил задрожать в ожидании, и эти мучительно-сладкие мгновения показались мне самыми прекрасными за это утро.

Не знаю, как так получилось, что со мной творилось, что я в самом деле вела себя, как покорная игрушка. Выполняла все их пожелания, плавилась от развратных ласк, приходила в восторг от того, что со мной делали. Ведь всего лишь вчера я чувствовала ужас и отчаяние, а сейчас... Палец Джонаса собрал влагу с нежных складок, мимолётно приласкав трепещущий кусочек плоти, и уверенно раздвинул тугие мышцы чуть выше, подготавливая. Всего лишь на мгновение они протестующе сжались, а потом к первому присоединился второй палец, проникая, растягивая, и я, длинно выдохнув, расслабилась, смирившись. В самом деле, моё сопротивление ни к чему хорошему не приведёт, это я прекрасно понимала. Джонас действовал аккуратно, удивительно нежно, и... Боже, я в самом деле начала получать удовольствие. Мне нравилось ощущать эти запретные проникновения, пока что только пальцев, чувствовать их внутри себя *там*. Попка сама подавалась навстречу, подставляясь, в самом деле привыкая...

— Горячая... Упругая... — откровенно смакуя каждое слово, выдохнул Джон, и в следующий момент его твёрдый ствол легко вошёл в меня — туда, куда предназначено природой.

Всего лишь на мгновение замер, заполнив до упора, я коротко застонала от жаркой волны, прокатившейся по телу. Лоно послушно приняло в себя, и всего на миг мелькнула робкая мысль — вдруг Джон передумал?.. Но его пальцы и не думали покидать мою попку,

продолжая размеренно двигаться, вспышки острого удовольствия заставляли вздрагивать и зажиматься крепче. А потом... Пальцы пропали, и на их место пришло совсем другое. Горячее, большое. Головка на несколько секунд прижалась и начала неумолимо, настойчиво скользить вперёд, раздвигая не совсем привычный вход. И хотя Джон подготовил меня, я всё равно дёрнулась, коротко, протестующе застонав и хватая ртом воздух. Тело напряглось, замешательство накрыло с головой, меня раздирали противоречивые желания. Замереть, перетерпеть первые неприятные мгновения, а потом отдаться порочному наслаждению вместе с Джонасом, или сжаться ещё сильнее, не пуская, не позволяя снова иметь меня таким... неправильным способом.

— Ш-ш-ш, — Джон придержал, жёстко ухватив за бёдра и не давая шевелиться, продолжая медленно насаживать на себя. — Расслабься, малыш-шка, и нам будет хорош-шо вместе...

Мне ничего не оставалось больше, как подчиниться. Заставить себя выдохнуть, громко, со всхлипом, и вцепиться в покрывало, судорожно его сжав и... впуская дальше. Переживая эти мучительно-сладкие мгновения, пересыпанные перчинками лёгкой боли, всё глубже погружаясь в вязкое болото вожеления. Да, я хотела Джонаса. Он заставил меня снова почувствовать эту неправильную страсть, заставил тело загореться, и я знала, что только он сможет утолить этот горячий голод, снедавший изнутри. Господи, прости, но это так. Он сделал меня развратной и послушной, и мне остаётся лишь смириться с этим.

Джон остановился, прижавшись ко мне и войдя до конца, до упора. Давал привыкнуть и отдышаться, и я невольно вспомнила Джеффри вчера. Брат был... больше, и я подозревала, что привыкать придётся дольше, чем к жениху. Где-то в самой глубине души всего на миг шевельнулось отвращение к себе. К тому, что я предвкушала удовольствие пополам с болью, готова была испытать его. Тело мелко дрожало, натянутое, как струна, я балансировала на грани, растягивая это ожидание. А потом, стиснув зубы, подалась назад, впуская в себя ещё дальше, прогнулась сильнее, до ломоты в пояснице. И ухнула в бездну грешного, тёмного наслаждения, с радостью отдаваясь, растворяясь в нём. Джонас начал двигаться, он брал меня резко, сильно, жёстко, и я вскрикивала с каждым толчком всё громче, задыхаясь от болезненно-острых вспышек.

Меня пожирал огонь стремительно нараставшего удовольствия, и я с радостью сгорала в нём без остатка. Осознание собственной испорченности добавляло пряной нотки в бурлившие эмоции, они переполняли, грозя вот-вот перелиться через край. И когда в моё лоно скользнул палец Джона, надавив на жарко пульсировавшую точку между шелковистых складок, я захлебнулась криком, срывая горло, ослеплённая болью пополам с удовольствием. Словно сквозь вату я слышала ликующий рык, и каменно-твёрдый член в моей попке задвигался ещё быстрее, заставляя извиваться и всхлипывать, насаживаться глубже. Продлевать эти мгновения, погружавшие меня всё дальше в чёрную пропасть, откуда не было возврата. А потом бессильно распластаться на кровати, пытаюсь отдышаться, и медленно возвращаясь в реальность...

Знакомая апатия превратила мышцы в кисель. Двигаться не хотелось, и сил не было. Пережившая такой натиск попка горела и ныла, но я с тоской отметила, что эти ощущения не причиняли неудобства. Отголоски недавнего наслаждения ещё бродили по телу, заставляя то и дело вздрагивать, но окончательно я пришла в себя, услышав голос Джеффри:

— М-м-м, моя развратная невестушка, это было впечатляюще. Ты так громко кричала. Тебе понравилось, да?

— Конечно, понравилось, — вместо меня ответил Джонас, и его ладонь медленно провела по спине, остановившись на ягодицах.

Довольный тон и откровенные слова вызвали на моих щеках лишь слабый румянец, и почти никакого стыда. Только усталую покорность. Не поднимая головы, я кивнула, прижимаясь щекой к покрывалу, и послушно пробормотала:

— Да, понравилось.

— Мари-и, только ты забыла одну вещь, любовь моя, — от вкрадчивого голоса Джеффри я невольно напряглась и даже нашла в себе силы приподнять голову и посмотреть на него.

Он стоял у шкафа, уже в штанах, и застёгивал манжеты на рубашке, глядя на меня с многообещающей усмешкой. Показалось, в полумраке спальни в его глазах мерцает золотистый огонёк...

— Ты не спросила разрешения, — мягко объяснил он, и я застыла, томная нега и апатия разом пропали.

О, Господи. Я в самом деле забыла, что должна спрашивать Джеффри, если... Если Джонас хочет поиметь меня.

— Джон, помоги нашей малышке привести себя в порядок, а потом обсудим, как наказать мою невесту, — чрезвычайно довольным голосом произнёс Джефф, справившись с манжетами и начав застёгивать рубашку.

Мелькнула облегчённая мысль, что хотя бы близости не будет. Джеффри ведь уже одет... Хотя Джон ещё нет. Я прикрыла глаза, обречённо вздохнув и уронив голову на постель. К горлу подступил ком, хотелось расплакаться, хоть немного побыть одной, но я понимала, что этой роскоши мне не дадут. В голове ещё царил сумбур, эмоции успокаивались нехотя, тело по-прежнему оставалось безвольным и вялым. А ещё, странно, что после всего, что со мной сделали вчера и сегодня, я чувствовала себя на удивление... хорошо. Да, мышцы тянуло, немного саднило в деликатных местах, но... Мне хватило ума понять, что я должна была едва шевелиться, не говоря уже о получении удовольствия. Что они со мной сделали? Как? Кто... кто они вообще такие? Вспомнился мятный вкус на губах — что это? Чем меня поили? Может, всё дело в этом странном напитке?..

Вопросы, на которые я не знала, где получить ответы. Спрашивать Джонаса или Джеффри? А ответят ли? Я лишь прерывисто вздохнула, ощутив, как меня подняли на руки и понесли в купальню. Снова бережное омовение, так не вязавшееся с недавним поведением Джона, его нежные поцелуи, от которых я невольно вздрагивала. Прикосновения, ласковые поглаживания. И внимательный взгляд, то и дело ловивший мои глаза. И отзывающееся тело, из которого уходила усталость и неприятные ощущения. Я чувствовала себя податливым воском, из которого лепили то, что им нужно было, сознание никак не могло вырваться из странного оцепенения. Оно билось испуганной птицей, пытаюсь понять, что происходит, и натывалось на пустоту.

— Ты привыкаешь, малышка, — довольно произнёс Джонас, и его ладонь медленно провела между моих ног. — Это хорошо...

— Почему мне не больно? — вырвался вопрос почти шёпотом, и я испуганно замерла, с опаской косясь на сводного брата.

Вдруг мне и спрашивать нельзя? Джон усмехнулся, вынул меня из купальни и обернул в полотенце, прижав к себе и приподняв голову за подбородок. Наши глаза встретились, и я невольно всматривалась в тёмную глубину, пытаюсь разглядеть там золотые отблески.

— Потому что нам с Джеффом не нужно, чтобы ты страдала, Мари, — мягко ответил он и погладил большим пальцем мою губу, его усмешка стала шире, и он наклонился ниже ко мне. — Нам нужно, чтобы ничего не мешало тебе получать удовольствие, малышка, — шепнул он и прижался к моему рту в нежном, но настойчивом поцелуе.

Наверное, я в самом деле привыкла, или просто не хотела думать, почему это делаю. Близость мужчины странно действовала на меня, словно опутывая невидимыми верёвками. Лишала воли, стремления сопротивляться. Когда это случилось, в какой момент? И сколько в этом на самом деле *моих* желаний?.. Я покорно подставила губы, приоткрыла их, впуская язык Джонаса, робко отвечая на поцелуй. Кажется, всё сделала правильно, потому что через некоторое время меня отпустили, отняли полотенце и подтолкнули в сторону спальни.

— Иди, Мари, Джеффри ждёт, — Джонас многозначительно посмотрел.

И я вышла из купальни обратно в комнату. Жених в самом деле ждал, уже полностью одетый. Он стоял около кровати, где что-то лежало. Чёрное, кружевное, и ничуть не похожее

на мои обычные домашние платья. Я замерла посередине спальни, сердце осторожно стукнулось о рёбра, и беспокойство смешалось с любопытством. Что мне приготовили?..

— Подойди, любовь моя, — позвал Джеффри, и я приблизилась, не сводя взгляда с разложенной одежды. — Прежде всего, хочу сказать, что слуги сюда не поднимутся, только если их позовут. Мы совершенно одни, Мари, — начало разговора насторожило ещё сильнее, я застыла, разглядывая чулки, длинный пеньюар и... корсет, украшенный кружевом и шнуровкой спереди. — Так что, никто тебя не увидит. Поставь ножку, одеваться будем, — Джеффри взял чулок с покрывала и присел, посмотрев на меня снизу вверх и улыбнулся.

Незаметно сглотнув, я выполнила просьбу, ухватившись за его плечо, чтобы не упасть. Пока это не походило на наказание, и томительное ожидание, что же придумал извращённый ум жениха, покалывало изнутри острыми иголочками. В то, что он забыл, я не верила.

— Я поменял твой гардероб, Мари, — продолжил между тем Джефф, его ладони медленно скользили по моей ноге, натягивая тонкий шёлк чулка, и я невольно задышала чаще. Прикосновения волновали... — Бельё тебе больше не понадобится. По крайней мере, если ты надеваешь платье, под ним у тебя ничего не должно быть, — от этих слов я задохнулась, волнение усилилось, облив жаром тело. — Или кроме белья больше ничего, любовь моя, — вкрадчиво добавил Джеффри, и его губы коснулись моего бедра над кружевом чулка. — Я не хочу, чтобы что-то мешало добраться до твоего восхитительного тела, Мари-и, — тягуче произнёс он моё имя, и по спине прокатилась горячая дрожь.

Игрушка для утех, вот кто я для них. Сейчас осознание этого вспыхнуло особо ярко, и я смешалась, поймав себя на том, что... мысль не пугает. От неприличных слов Джеффри внутри всё сладко замерло, а между ног отозвалось мягкой истомой, лизнувшей тёплым языком. Жених выпрямился и взял корсет, и я обратила внимание, что с нижнего края свисали ленточки и странная длинная нить с нанизанными гладкими бусинами, довольно большими.

— Подними руки, — скомандовал Джефф, и я подчинилась, позволив надеть на себя корсет.

Он плотно облегал талию, оставляя открытой нижнюю часть тела, и я старалась не думать, насколько непристойно это выглядело. И мне предстоит так ходить весь день... Наверное. Очень хотелось наведаться в свою уютную спальню и забрать хоть одно из домашних платьев, однако отчего-то в душе зрела уверенность, что мой гардероб совершенно пуст. Ну или, по крайней мере, ничего из прежней одежды там уже нет. Джонас и Джеффри основательно подготовились к дню моей помолвки, и когда только успели?! Верхний край корсета заканчивался под грудью, оставляя её тоже полностью открытой и пикантно приподнимая. Мягкое кружево едва ощутимо щекотало соски, и они тут же отозвались лёгким покалыванием и собрались в тугие шарики.

— Вот та-ак, — довольно протянул Джеффри, плотно, но не очень туго затянув ленты спереди. — Отлично, мне нравится, — мурлыкнул он, окинув меня взглядом, и наклонился, игриво лизнув вызывающе торчавшую вершинку. — Тебе тоже, любовь моя, да? — Джефф довольно прищурился и снова присел, ухватив одну из ленточек.

Показалось даже, грудь стала больше и пышнее, стянутая нежными оковами корсета. Щёки потеплели от тени смущения, коснувшейся их своим крылом на несколько мгновений. Да, непристойно, откровенно и... притягательно. Волнующе. Возбуждающе. Именно эти слова приходили на ум, когда я опускала взгляд на себя и тут же отводила. Розовые бутоны

сосков в окружении тонкого чёрного кружева заставляли дышать чаще от усилившегося волнения, и вот теперь смущение стало сильнее. Может, я и привыкла немного к той реакции, которую вызывали у меня прикосновения и ласки Джеффри и Джонаса, но к тому, что собственный внешний вид тоже будет волновать, я оказалась не готова. И не только волновать... О, Господи. Я едва не сжала колени в неосознанном жесте, между ног стало нестерпимо жарко.

Между тем, Джеф пристегнул ленточку к чулку, потом вторую — сзади. Положил ладони на мои бёдра, коснулся губами самого низа живота, почти у мягких складок, где пряталось средоточие моих желаний. Я беззвучно охнула, стиснув кулаки — опять, опять тело предавало, охотно отзываясь и требуя продолжения! Как это может быть, если совсем недавно у меня уже было бурное утро? Принять собственную развращённость и порочность до конца всё-таки не получалось, особенно сейчас, при свете дня. Ведь мне ничего не давали пить вроде вчерашнего вина, голова оставалась ясной... Но знакомая жаркая истома потихоньку заливала тело, делая его податливым и готовым для откровенных ласк.

— Вторую ножку, — повелительно бросил йебдиа Джеффри, и пришлось поставить ступню ему на колено.

Закончив со вторым чулком, жених выпрямился, его пальцы подхватили нить с бусинами.

— А теперь поговорим о твоём наказании, — мягко произнёс он, и сердце зашлось в нервном перестуке, а в кровь как будто щедро добавили щепоть огненного перца.

Краем глаза я заметила Джонаса, он стоял около шкафа и тоже одевался, не сводя с нас с Джеффом взгляда. На его лице играла такая же порочная улыбка, как у моего жениха, ему явно нравилось происходящее. В горле сразу стало сухо, в памяти пронеслись картинки вчерашнего наказания... Может, меня просто отшлёпают? Я согласна, согласна, только... Не надо большего... Я вдруг с ужасом поняла, что от воспоминаний об унижении пополам с удовольствием, приправленным болью, внизу становится лишь жарче, а между ног всё начинает пульсировать от желания.

— Повернись, наклонись и расставь ноги, — приказал Джеффри, выпустив нить с бусинами.

Ох. Внутри всё задрожало от предвкушения и немножечко страха — мне не хватало фантазии представить, что будет дальше, кроме двух вариантов. Снова отшлёпает и отымеет... Но чутьё подсказывало, что Джеффри повторяться не станет. Прикусив губу, я послушно выполнила приказ, опёршись ладонями на кровать и низко опустив голову, остро ощущая собственную открытость и беспомощность. Ладонь Джеффа надавила на поясницу, вынуждая выгнуться и поднять попку ещё выше. А потом... К нежной плоти прижалось что-то прохладное и гладкое, погрузилось в шелковистую плоть, уже давно влажную. Я не сразу поняла, что это, захваченная знакомыми сладкими переживаниями. Бусины свободно перемещались по нити, скользили по лону, дразня и то и дело задевая жарко вспыхивавшую точку. Теперь я поняла, для чего было это украшение... Джеффри слегка потянул за нить, так, чтобы бусины плотнее прилегали, и я не сдержала судорожного вдоха, бёдра инстинктивно сделали непристойное движение, стремясь усилить желанное наслаждение.

— Стой смирно, — тут же последовал шлепок по попке, не болезненный, но чувствительный.

Я замерла, тяжело дыша, тело начало мелко дрожать. Джефф закрепил нить на корсете, его палец медленно провёл по бусинам, мягко вжимая их в меня. Вот теперь я охнула в

голос, откинув голову и захлебнувшись жарким всплеском желания, дрожь усилилась.

— Выпрямись, — ласково произнёс жених, убрав руку к моему разочарованию.

Подчинилась, развернувшись к нему. Украшение между ног дразнило, зажигая пожар в крови, каждое моё движение заставляло бусины передвигаться, ласкать нежное местечко не хуже пальцев. Тело плавилось, так и хотелось постанывать и сильнее сжать бёдра, а ещё...

— Не смей прикасаться к себе, Мари, — ухватив меня за подбородок, негромко, внушительно произнёс Джеффри, глядя в глаза. — Если захочешь кончить, попроси брата, — с коварной улыбочкой добавил он. — А потом расскажешь мне, как он это сделал с тобой. Я на несколько часов уеду по делам, — буднично продолжил Джефф, пока я медленно осознавала смысл его слов. — После завтрака. Сильно не шалите, — от его понимающей усмешки у меня подвело низ живота, а внутри всё заныло от... предвкушения?!

Боже, помоги. Я останусь с Джоном наедине. И уж точно он не будет, как раньше, вести со мной невинные разговоры о мелочах.

Джонас молча подошёл к кровати, взял пеньюар и встал за моей спиной, держа одеяние. Пряча взгляд, я так же без слов надела кружевную вещичку, подождала, пока Джон, почти обняв, застегнёт короткий ряд пуговичек спереди. Глубокий вырез открывал грудь до сосков — они проступали через кружево, ясно указывая на моё возбуждение. Заканчивалась застёжка на уровне кружева чулок, чуть ниже самого сокровенного, создавая иллюзию защищённости. Но только иллюзию.

— Завтракать? — непринуждённо произнёс Джеффри и протянул ладонь.

Брат, обвив рукой мою талию, привлёк ближе, и мы втроём вышли из спальни. Меня привели к гостиной, находившейся в конце коридора, почти у лестницы. Даже думать не хочу, когда слуги накрыли, и... слышали ли они, как началось моё утро. Джефф сказал, никто из них сюда не поднимется без приглашения, а сама я в том виде, как сейчас, ни за что не спущусь на первый этаж. Этот недолгий путь вылился для меня в мучительно-сладкие переживания, и я снова погрузилась в море наслаждения. Бусины мягко скользили при каждом шаге, и я неосознанно плотнее сжимала бёдра, стремясь хоть капельку продлить, усилить его, несмотря на приказ Джеффри. Стены вокруг плыли, дыхание не желало успокаиваться, и кружево пеньюара, об которое тёрлись возбуждённые, нывшие соски, придавало пряной нотки. Я чувствовала себя сгустком эмоций, обнажённым нервом, тело горело и плавилось в охватившем его огне вожделения.

Когда мы вошли в гостиную, и я села на стул, то чуть не охнула от пронзившей вспышки и заёрзала, с восторгом ощущая, как бусины сильнее вжались в нежные складочки. Повеление Джеффри вылетело из головы, и в себя привёл его строгий окрик:

— Мари! Сиди спокойно, любовь моя. Или можешь попросить Джона, — с двусмысленной усмешкой добавил он, накладывая себе джема и оладий с большого блюда, и одарил меня горячим взглядом. — А я посмотрю, — вкрадчиво сказал Джеффри, и мои щёки вспыхнули.

Я замерла на стуле с колотящимся сердцем, чувствуя, как между ног уже всё мокрое. Стоило только представить развратное зрелище, как... как Джонас ласкает меня на глазах у Джеффа, как низ живота охватила тягучая, медовая боль. Боже, эта мысль несказанно возбуждала, пожалуй, не меньше, чем прикосновения. Дрожащими руками я приступила к еде, почти не чувствуя вкуса, но понимая, что нужно подкрепить потраченные силы. Они мне ещё понадобятся, ведь Джеффри уйдёт, а Джонас ждал два долгих года, пока... Пока я созрею?

— Почему ты ждал, Джон? — вопрос вырвался сам, я подняла голову, посмотрев на брата и желая хоть немного отвлечься от волнующих переживаний, вызванных бусинами.

На мгновение испугалась, что снова получу строгую отповедь, но — видимо, Джон пребывал в благодушном настроении после такого утра. Он лениво улыбнулся, окинул меня взглядом, задержавшись на почти обнажённой груди, и взял дольку яблока с блюда.

— А это просто, Мари, — заговорил он, с хрустом откусив. — Вот смотри, яблоко. Оно висит на ветке, с красным бочком, тонкой кожицей, такое привлекательное. Но если его сорвать раньше времени, польстившись на внешнюю красоту, оно будет кислым, — Джонас прожевал дольку. — А если дождаться, пока оно нальётся соком, созреет, — его усмешка стала шире, и в глазах вспыхнули золотистые искры. — То и вкус у него будет сладкий,

сочный.

Я отвела взгляд, молча отправив в рот кусок омлета. Что ж, более чем понятное объяснение. Он ждал, пока я созрею. Больше вопросов я не задавала. Погрузилась в свои мысли и переживания от бусин, и очнулась, лишь когда передо мной поставили бокал, до краёв наполненный тёмно-бордовой жидкостью.

— Выпей, Мари, это придаст тебе бодрости, — от голоса Джеффа я вскинула голову, отметив, что до крошки съела и омлет, и оладушки, и хрустящие тосты с сыром и ветчиной.

Опять вино, тоскливо подумалось мне. И наверняка с приправами. Мои пальцы покорно потянулись к ножке, и я всё же спросила прежде, чем пригубить:

— Что это?

— Эликсир здоровья, — хмыкнул Джонас, поставив локти на стол и подперев подбородок ладонью. — Пей, не бойся, это не дурман, — угадав мои опасения, усмехнулся он. — Тебе это уже не надо, малышка, — мурлыкнул он понимающе.

Да, пожалуй, вынуждена была с грустью признать я. Не нужно... Я и так попала в рабство собственных эмоций и желаний, так легко разбуженных в моём теле женихом и братом. Сжав бокал, я сделала глубокий вдох и глотнула, с удивлением обнаружив, что — да, не вино, а скорее, сладкий ликёр. С отчётливым мятным вкусом. Я жадно допила без остатка всё, что было в бокале, чувствуя, как по телу разливается бодрящая волна, в самом деле вливая силы и прогоняя остатки апатии. Ощущения обострились, стали ярче, я неосторожно шевельнулась и едва не охнула громко — бусины задели потаённое местечко особо сильно. На несколько мгновений я оказалась ослеплённой собственными эмоциями, где-то на краю сознания мелькнула мысль, что — нет, не дурман, но что-то похожее. Я понимала, где нахожусь, что происходит вокруг, разум оставался ясным: насколько это возможно, когда от возбуждения сводит пальцы на ногах. Однако пожар в теле лишь усилился после того, как выпила чудесный мятный эликсир.

— Что ж, я пошёл, скоро вернусь, — непринуждённо отозвался Джеффри, отложив салфетку, и поднялся, потом приблизился ко мне и наклонился, положив руку на спинку стула. Приподнял пальцами за подбородок моё лицо и приник к губам в коротком, но жарком и многообещающем поцелуе. — Думаю, Джонас не даст тебе заскучать, любовь моя, — Джефф погладил мою щёку, выпрямился и вышел из гостиной.

Мы с братом остались одни, и мой взгляд метнулся к Джону, с задумчивой улыбкой и прищуренными глазами смотревшему на меня. В горле пересохло, и я незаметно сглотнула. Мамочки. Тёмную радужку начало затягивать золотистое мерцание... Я словно приросла к стулу, не зная, чего хочу больше: выбежать из этой комнаты, попытаться спрятаться, или... Позволить прикоснуться и сделать всё, что я прочитала в его порочном, пристальном взгляде.

— Знаешь, каждый раз, как я заходил в кабинет поработать, — заговорил вдруг Джонас, и я чуть не подпрыгнула от неожиданности, напряжённая, как струна, и дрожащая от неясного ожидания. — Я думал о тебе, малышка. Там такой широкий, удобный стол... Ты бы так здорово смотрелась на нём, лёжа на спине, с раздвинутыми ножками... — его голос становился глуше, ниже, а золото в глазах разгоралось сильнее.

А самое печальное, что моё тело поддавалось магии слов Джонаса, разогретое бусинами между ног и тем мятным ликёром, обострившим мою чувствительность в разы.

— Пойдём? — брат встал и протянул ладонь, а я...

Не знаю, что случилось со мной в следующий момент. Может, то, что Джонаса я всё же

воспринимала, как родственника. Может, это был последний отчаянный всплеск возмущения, попытка как-то воспротивиться окончательному падению. Но паника вдруг взметнулась огромной волной, накрыла с головой и притушила пламя, горевшее в теле. Я поперхнулась вдохом, с губ сорвалось запретное:

— Нет!..

Я вскочила и бросилась к выходу из гостиной, не помня себя от страха и отчаяния, щедро приправленными острыми вспышками наслаждения от бусин. Ослеплённая противоречивыми эмоциями, задыхаясь от душивших рыданий, я бросилась по коридору вперёд, не разбирая дороги, не зная, куда бегу и зачем. Лишь бы подальше от Джонаса и его непристойных ласк, порочных поцелуев. От той бездны тёмного удовольствия, в которую я готова была рухнуть, едва он прикоснётся ко мне. Из горла вырвался короткий стон, перешедший в рыдание, я чуть не споткнулась, охваченная дрожью. И не понять, от вновь проснувшегося желания или от отчаяния.

Далеко убежать не успела, да и кто мне даст вырваться из этой клетки. Сильные руки сомкнулись вокруг талии, легко оторвав от пола, я слабо затрепыхалась, всхлипывая и задыхаясь от слёз.

— Пожалуйста... Н-не надо, Джон!.. — выговорила непослушными губами, уже не думая, что и за это меня тоже накажут. — От-пусти-и!

— Малышка, ну что ты, тихо, — увещавательно зашептал брат на ухо, и в следующий момент я оказалась прижата к стене его телом, распластана, щекой ощущая шёлк обоев. Моя попка почувствовала недвусмысленное доказательство возбуждения Джонаса, его пальцы переплелись с моими. От горячего дыхания разбегались мурашки, собираясь внизу живота жарким озерцом. — Ш-ш-ш, непослушная моя, ты же знаешь, что тебе будет хорошо... Пойдём, Мари, не капризничай, — настойчиво повторил Джонас, отстранился и потянул за собой, обняв за талию.

Оказывается, мы стояли как раз около двери в его кабинет, находившийся здесь же, на втором этаже. Недалеко от спальни Джона. Эта вспышка словно разом забрала из меня все силы, я обмякла в руках брата, откинув голову ему на плечо и прикрыв глаза. Вернулась покорность пополам с отчаянием, и... Бусины. Проклятые бусины тёрлись об мою плоть, заставляя забывать о сопротивлении, отвлекая от отчаяния. Возбуждение высушило слёзы, вернулась дрожь, и тяжело дышала я уже не от короткого бега. Позволила Джону завести меня в просторный кабинет, в котором царил приятный полумрак. Послушно подошла за ним к тому самому столу, за которым обычно работал Джонас. Брат отпустил мою руку, и я остановилась, проследив взглядом, как он обошёл стол и устроился в кресле с высокой спинкой. Посмотрел на меня, медленно усмехнулся и мягко произнёс:

— Подойди, Мари.

Ох. Я приблизилась, как зачарованная наблюдая за наливавшимися золотом глазами. Вопрос вырвался сам.

— Кто ты?.. — собственный голос показался слабым и тихим, и я замолчала в замешательстве.

Усмешка Джона сделалась странно мягкой, почти нежной.

— Твой опекун, Мари, и тот, кто о тебе заботится, — так же нежно ответил он и добавил. — Встань здесь.

Он указал перед собой и расставил ноги. Я послушно встала между ними, спиной к столу, покорно ожидая дальнейшей участи. Что-то во мне сдалось, и я позволила тёмному

огню медленно разгореться внутри в предвкушении удовольствия. Джонас начал неторопливо, явно растягивая мгновения, расстёгивать пуговицы пеньюара, но не до конца. Ровно для того, чтобы... освободить низ живота, откинув края ткани. Горячие ладони Джона легли на мои бёдра, и он замер, разглядывая открывшееся зрелище. Я же тихонько опёрлась о стол ладонями, прислонившись к нему — коленки вдруг ослабели, а бусины с новой силой дали знать о себе, заставив тихо вздохнуть. Джон наклонился, согрел дыханием чувствительную кожу чуть ниже корсета, а потом переместил руки на талию и легко усадил меня на край стола. И я знала, что он попросит дальше.

— Раздвинь ножки.

Мой следующий вздох был глубже, от него грудь приподнялась сильнее, привлекая внимание к острым, напряжённым вершинкам, спрятанным в кружеве. Я развела колени, бесстыдно широко, открывая себя, и чуть откинулась назад, поставив ладони на шершавое сукно. Внутри всё дрожало в ожидании, и ни единой мысли о том, насколько низко я пала и... какой развратной выгляжу со стороны. Нас ведь в самом деле никто не видел, и никто об этом не узнает. Кроме Джеффри, но это совсем другой разговор. Джонас не торопился вставать с кресла, разглядывая меня с явным удовольствием, однако и прикасаться тоже не спешил, заставляя дрожать сильнее с каждым мгновением. Я едва удерживалась на месте, сражаясь с безумным, непреодолимым желанием задвигать бёдрами, вынуждая бусины между мягкими складками скользить на нити и доставлять мне ещё больше наслаждения. Ладони Джонаса провели по моим бёдрам и остановились над чулками, он придвинулся ближе и заглянул в мои широко распахнутые глаза.

— Хочешь кончить, малышка? — мурлыкнул он, блеснув в полумраке кабинета налившимися золотом глазами, а сквозь рубашку я заметила, как пробивается голубоватое сияние.

— Хочу, — послушно прошептала сухими губами и неосознанно облизнула их.

— Попроси меня, Мари-и, — Джон подался вперёд, одарив меня жадным взглядом. — Как ты хочешь, чтобы я это сделал?

Возбуждение лизнуло изнутри огненным языком, обожгло спину россыпью обжигающих мурашек. А ноги раздвинулись шире, и я чуть выгнулась, на мгновение вспомнив утро. Там я тоже сказала, чего мне хотелось... Но получила прямо противоположное. Джонас играл сейчас по тем же правилам, или всё же?..

— Пожалуйста, Джон, — снова прошептала я хрипло, даже не пытаюсь унять разошедшееся сердце. — Приласкай меня... ртом.

По тому, как вспыхнули его глаза, я поняла, что в этот раз ответила правильно. Золото приобрело рубиновый оттенок, улыбка походила на оскал хищника, загнавшего жертву. Внутри всё затрепетало от сладкого ужаса и... желания, чтобы он поскорее сделал то, о чём я попросила. Слова вырвались сами:

— Ты... Не человек...

— Не думай об этом, малышка, — вкрадчиво ответил Джонас, медленно наклоняясь ко мне. — Просто не думай...

Его рот жадно приник к моей жаждущей плоти, язык раздвинул шелковистые складки, медленно слизывая, дразня, проникая в меня. Я задохнулась от волны ощущений, пряных, острых, невыносимо ярких. Бёдра приподнялись, подаваясь навстречу, ноги раздвинулись ещё шире, безмолвно приглашая продолжить. Я сходила с ума, извиваясь под порочными поцелуями, глубокими, непристойными. Стонала в голос, запрокинув голову и зажмурившись до вспышек перед глазами. Просила ещё и ещё, не останавливаясь. Меня вновь наполняли эмоции, густые, как патока, пьянящие, как крепкое вино. Я захлёбывалась в них, тонула в горячей бездне, но казалось — мало, мало, нужно сильнее, больше. К языку и губам Джонаса присоединился палец, а бусины он так и не убрал... Его рот играл с ними, с моим лоном, нежно прижимал к жарко пульсировавшему местечку, чувствительно прихватывал, заставляя вскрикивать и царапать сукно на столе. Это была не я, я растворилась в этом тёмном наслаждении, потеряла себя. Стала другой, послушной игрушкой в руках... кого-то, не человека, зависимой от его развратных ласк. Я хотела, чтобы он брал меня ещё и ещё, своим ртом, пальцем, и не только ими. Я хотела Джонаса внутри, твёрдого и горячего, чтобы он до упора входил в меня, погружая всё дальше в непроницаемую тьму греха.

В какой момент мои пальцы вцепились в его волосы, прижимая ближе к сокровенному, требуя выпить меня, моё желание до последней капли, я так и не поняла. И когда губы Джона прижались ко мне ещё крепче, а язык поймал бусину и надавил ею на пылавшую огнём чувствительную точку, я сорвалась. Выгнулась дугой, не чувствуя тела, превратившись в горящий факел, и мой хриплый крик эхом заметался под сводами кабинета. Джонас не отпускал, крепко стиснув мои бёдра, не давая свести ноги и не отрывая рта. Эмоции хлынули из меня бурным потоком, сметая всё на своём пути, а его язык, едва они чуть-чуть ослабли, снова шевельнулся, не давая толком прийти в себя и снова сталкивая в пропасть наслаждения...

Сколько это длилось, не знаю, пока я, обессиленная, ослепшая, не распласталась на столе, тяжело дыша и часто сглатывая. Отстранённо отметила, что щёки мокрые — я плакала? С губ сорвался слабый всхлип, а тело ещё вздрагивало от отголосков только что пережитого. Знакомая спасительная апатия сковала разум, не давая снова задуматься о собственном поведении и развратности. Я лежала и мечтала о глотке прохладного мятного ликёра, почему-то ничего другого не хотелось. Ни чая, ни даже вина. Только ощутить на языке снова этот вкус, освежающий и бодрящий. До меня донёсся шорох, я почувствовала, как сильное тело мягко навалилось, прижимая к столу, но даже не пошевелилась, и не открыла глаз.

— Ты радуешь меня с каждым разом всё больше, малышка, — хриплый, страстный

шепот Джонаса вызвал лишь слабый вздох. — Я не ошибся в тебе...

Его пальцы, ещё недавно гладившие меня между ног, теперь провели по приоткрытым губам, оставляя на них сладкий аромат малины с карамелью. Мой аромат. Я невольно облизнулась и просипела:

— Пить... П-пожалуйста...

— Конечно, Мари, сейчас, — с готовностью откликнулся Джонас и поднялся.

Его ладони скользнули по шее, спустились на грудь и отвели кружево пеньюара, обнажив бутоны сосков. Подушечки мягко потёрли острые вершинки, и я с какой-то отстранённой обречённостью поняла, что это ещё не всё. Но... В глубине души шевелилась робкая радость и облегчение, что теперь нас только двое, со мной один мужчина. Пусть до вчерашнего утра я и считала его братом, единственным близким родственником. Что ж. Теперь он мой любовник, вместе с моим женихом. И тот, кому досталась моя невинность. Горький смешок застрял в горле, ладони Джонаса пропали с моей груди, и я услышала шорох. Но поднять веки по-прежнему не было сил, а через мгновение мою голову приподняли, и губ коснулся край бокала.

— Пей, малышка, ты же этого хотела? — заботливо произнёс брат.

Ощувив такую желанную мятную свежесть, я издала невнятный возглас, сразу появились силы. Приподнявшись на локте, придерживала бокал, жадно глотая, чуть не подавилась и снова выпила до капли. Не знаю, что это за эликсир такой, но он мне нравился, и в самом деле придавал бодрости. Джон с тихим смешком отнял у меня пустой бокал, отставил его и помог подняться. Наши лица оказались очень близко, брат и не думал отстраняться, стоя между моих раздвинутых ног, и я смотрела прямо в его глаза. Золото из них не ушло, лишь стало ярче. Рубашку он расстегнул, и теперь я снова видела яркое голубое сияние на его груди. Взгляд невольно скользнул ниже... В меня почти упиралось его готовое оружие, и гладкая головка медленно скользила по лону, снова дразня и вызывая трепет предвкушения. Ладони Джонаса нырнули под мою попку, приподняли, вынуждая опереться снова на стол.

— Продолжим, сестричка? — жарко выдохнул Джон мне в губы, опалая расплавленным золотом с рубиновым отблеском.

Я снова его хотела. И он это чувствовал, знал. Покорно кивнув, сама подалась вперёд, впуская в себя большой и горячий член, задохнувшись от ликования и облегчения. Мышцы плотно сжались вокруг, и я услышала тихое шипение, пальцы Джонаса стиснули мои ягодицы, и он рывком вошёл до конца, буквально насадив меня. Из груди невольно вырвался возглас, но не от боли, нет — тело уже привыкло к вторжению и с радостью принимало его.

— Обними меня, — потребовал Джон, и я послушно обвила его ногами, став ещё ближе.

А потом... я оказалась на спине, крепко прижатая к столу, мои руки стиснули сильные пальцы, заведя за голову и делая беспомощной, и Джон начал двигаться. Сильно, быстро, глубоко, и каждый толчок заставлял вскрикивать, выгибаться навстречу и вновь наполняться нестерпимо горячим удовольствием. Почти терять сознание от ощущений, от понимания, что принадлежу Джонасу целиком и полностью. Моё тело, мои эмоции, мои желания — они все зависели сейчас только от него. В его власти было подарить мне долгожданную разрядку, дать насладиться хмельным мёдом страсти сполна, или оставить дрожащую, напряжённую и умоляющую довести дело до конца. И да, я готова была умолять, бесстыдно прижимаясь к нему, тихонько хныча и лихорадочно шепча, когда Джон вдруг остановился:

— Пож-жалуйста... продолжай...

От его хриплого смешка, в котором слышалось ликование, меня пробрала дрожь до самых костей.

— Повтори, — приказал он, пожирая своим взглядом, в котором плескалось расплавленное золото с рубиновыми отблесками.

— Я хочу тебя... Ещё, Джон... — послушно повторила, нетерпеливо заёрзав, лишь бы снова ощутить, как двигается во мне его напряжённый член.

Мучительно медленно он подался назад, почти вышел из меня, и я опять жалобно захныкала от разочарования, от ощущения пустоты. Натянутые нервы звенели, тело превратилось в сгусток тёмного, порочного желания.

— Проси, Мари, — выдохнул Джонас требовательно, дразня и совсем чуть-чуть снова проникая в моё жаждущее лоно. — Громче!..

— Возьми меня... Пожалуйста... — покорно прошептала искусанными губами и всхлипнула, чувствуя, как по вискам текут слёзы. — Сейчас, Джон!..

Он шумно вздохнул, растягивая это ожидание, не переставая улыбаться и смотреть на меня, облизнулся.

— Мне нравится, как ты кричишь, Мари, — проникновенно произнёс он низким, вибрирующим голосом. — Нравится, что ты такая послу-ушная, малы-ышка, — тягуче добавил он, приподнялся, и его пальцы сжали мой ноющий сосок до сладкой боли. — Значит, хочешь, да? — и Джон снова вышел, заставив коротко застонать. — Хочешь, чтобы трахнул?

— Да... Да, хочу-у! — снова простонала, подаваясь вперёд в попытке вернуть чудесное ощущение наполненности. — Сделай это, прошу!..

От собственных непристойных просьб уже давно не было стыдно, они лишь сильнее заводили, подстёгивая возбуждение. Меня не осталось. Все прежние мысли и наивные мечты оказались разорваны в клочья, вокруг царила лишь тёмная реальность, в которой правили порок и страсть, что чернее самой чёрной ночи. Глубже самой глубокой пропасти без дна. И я уже давно в неё летела без надежды вернуться обратно...

Джон заткнул мне рот поцелуем, грубым, жадным, и резко вошёл в меня, подарив долгожданное облегчение. Мир сошёл с ума, и я с радостью отдалась этому сумасшествию, двигаясь вместе с братом, подставляя ему и губы, и всю себя. И он снова брал меня, жёстко, властно, с каждым толчком проникая всё глубже. Низ живота болезненно тянуло, внутри горело, я глухо стонала, распластанная на столе, задыхаясь от нехватки воздуха. Джон словно пил меня, моё вожделение, достигшее пика, и я отдавала его, чувствуя, что оно переполняет, и боясь захлебнуться. Поцелуй не заканчивался, обжигая губы, а движения Джонаса становились быстрее, сильнее, пока наконец он не оторвался от моего истерзанного рта, низко зарывав и стиснув меня в железных объятиях. И я послушно закричала, не в силах сдерживаться больше, выплёскивая из себя горячее наслаждение. Тело скрутила судорога удовольствия, а потом ещё одна, когда Джон сделал последний толчок, хрипло дыша над ухом, и я почти потеряла сознание, снова оставшись совершенно без сил и слабо всхлипывая от избытка ощущений.

Но странно, такой апатии, как раньше, уже не было. Только приятное опустошение, мягкая нега, окутавшая невидимым покрывалом, и томная расслабленность. Я... в самом деле привыкала? Или всё дело в том мятном ликёре? Наверное, и то, и другое всё же... Ладони Джона медленно провели по моему телу поверх одежды, губы прошлись невесомыми поцелуями по лицу, собирая солёные слезинки, и от этой непривычной нежности сердце

пару раз тяжело стукнулось о рёбра в странном волнении. Потом его рука обвила мою талию, прижав к себе, и Джонас выпрямился, помогая. Убрал несколько прядей, прилипших ко лбу, заправил за ухо. Я прятала взгляд, вздрагивая от его прикосновений, неожиданно остро нахлынуло понимание глубины собственной распущенности, и зашевелились остатки стыда. Щекам стало тепло, я стиснула пальцами края стола, на несколько мгновений погрузившись в переживания и отвлёкшись от Джона. Он же, отстранившись от меня, но по-прежнему не давая сдвинуть ноги, достал что-то из верхнего ящика стола. Салфетки, поняла я спустя мгновение. Джонас бережно провёл мягкой тканью по всё ещё остававшемуся слишком чувствительным местечку, чем вогнал в краску ещё больше — оказывается, я не совсем разучилась смущаться. Правда, это было слабым утешением после всего случившегося. Потом он привёл в порядок себя, но рубашку застёгивать не стал.

Всё так же не позволяя мне свести колени, встал между ними, опёрся одной ладонью о стол, коснулся пальцами подбородка, заставляя смотреть в его глаза. К моему смутному беспокойству, золото не до конца ушло из его глаз. Неужели он такой... ненасытный, мой брат, тот, кого я до недавнего времени считала всего лишь обычным мужчиной, человеком? По спине пробежал холодок, а Джон между тем ласково улыбнулся и обвёл подушечкой большого пальца мой припухший рот. Я невольно замерла, почувствовав, как где-то в глубине зародилась дрожь — брат наверняка задумал что-то ещё, пользуясь тем, что Джеффри ушёл. Мне же потом рассказывать... всё... И снова повторить, только уже с женихом. Не стоило забывать и о наказании.

— Я хочу твой ротик, малыш-шка, — шепнул проникновенно Джонас, продолжая гладить мои приоткрывшиеся губы. — Сделаешь мне так же приятно, как Джеффу утром? Тебе же надо учиться, — он медленно, с предвкушением улыбнулся, а я поняла, что вопрос лишь звучал вопросом.

Только ради того, чтобы я, прерывисто вздохнув, покорно ответила:

— Да, Джон. Сделаю.

Они заставили меня стать послушной и получать удовольствие от этого, отстранённо подумала я, и лишь отголосок страха и отвращения к себе шевельнулся где-то очень глубоко в душе. При мысли о том, что член Джона окажется между моих губ, так же, как утром — Джеффа, я сглотнула и едва не облизнулась. Боже, прости. Мне тоже этого хотелось, так же, как Джонасу. Кажется, потребность принадлежать ему и жениху до самой последней клеточки, в самых разных позах, в каких они захотят меня, вместе или по отдельности, становилась жизненной необходимостью. Живот подвело от вновь проснувшегося вожделения, будто и не я всего несколько минут заходила криком от наслаждения, пока Джон грубо имел меня на этом столе. Даже мысль о том, что он — не совсем человек, перешедшая в уверенность, уже не пугала и не заставляла задаваться бесполезными вопросами. Мне на них не ответят, а мучительно гонять по кругу догадки — лишь доводить себя до паники и истерики. Я оказалась в ловушке, из которой не было выхода.

Джонас обнял меня и снял со стола, не торопясь ставить на пол, и нетерпеливо шепнул на ухо:

— Тогда пойдём, Мари. В гостиной это будет удобнее, — добавил он с тихим смешком. — А сюда мы ещё вернёмся, обещаю.

Путь до гостиной я проделала на руках Джона, отстранённо подумав, надолго ли уехал Джеффри. Не то, чтобы я хотела его возвращения, ведь это означало неведомое наказание и откровенный рассказ о том, что происходило без него. Вряд ли жених просто будет задавать вопросы и удовлетворится моими односложными «да» на них. О, нет, я знала, ему нужны подробности. От меня. По телу прошла горячая дрожь, от понимания, что я в самом деле хочу этого тоже. Рассказать, признаться, как мне было хорошо, и... повторить всё с Джеффри. А потом со смесью страха и сладкого нетерпения ожидать обещанного наказания за непослушание...

Джон внёс меня в просторную, светлую комнату напротив своей спальни, как заметила я краем глаза, дошёл до дивана и остановился, опустив на пол, к себе лицом. Положил ладони на плечи, разглядывая с каким-то странным выражением.

— Мне нравится твоя покорность, Мари-и, — мурлыкнул Джонас, чуть наклонившись ко мне, и добавил. — Но ещё больше нравится твоя беспомощность. Повернись, — скомандовал он.

Я подчинилась, в волнении прикусив губу. Что он задумал?.. Моя беспомощность? Что это значит? Ладони Джона медленно скользнули по моим плечам, снимая пеньюар, и он шепнул на ухо:

— Руки назад, малышка.

Вспомнился вчерашний вечер, и догадка вспыхнула на мгновение раньше, чем мои запястья плотно обмотало кружево рукавов. Дыхание перехватило, и сердце гулко забилося в груди, и я осознала, что... мне тоже нравится. Обречённо прикрыла глаза, незаметно сглотнула, снова сдаваясь тому тёмному и жаркому, что поднималось сейчас изнутри. Джонас закончил с моими руками и развернул обратно к себе, окинув довольным взглядом.

— Прекрас-сно, — мягко произнёс Джон и погладил мои едва прикрытые кружевом корсета соски. Напряжённые вершинки тут же отозвались тягучим томлением, и я неосознанно подалась вперёд, стремясь продлить ласку. Но удовольствие должна была

доставлять в этот раз я... — Сядь, — скомандовал Джонас и несильно толкнул, так, что я упала на диван.

Не сводя с него взгляда, чуть выпрямилась, поёрзала, устраиваясь удобнее, так, чтобы не давить на связанные руки. Дыхание сделалось глубоким, прерывистым, по телу прошла лёгкая дрожь предвкушения, едва Джонас взялся за застёжку на штанах. Собственная готовность выполнить его желание, даже такое непристойное, лишь подстегнула эмоции, заставив их вспыхнуть, как от поднесённой спички. Я плавилась от осознания своей порочности, от того, что снова хочу Джона... Голова слегка закружилась, тишина в комнате стала плотной, вязкой. Брат, глядя на меня голодным взглядом, мерцавшим золотом, нарочито медленно расстегнул штаны, приспустил их, высвобождая уже снова готовое к любовным играм достоинство. И я не отводила стыдливо глаза... Смушение лишь едва ощутимо пощекотало изнутри и растворилось в жарком возбуждении, нахлынувшем огромной волной. Оно затаилось между ног, заставив плотнее стиснуть колени — бусины скользнули по складкам, усиливая ощущения, и я неслышно охнула, нервно облизнувшись. Гладкая головка уже приблизилась к моим губам, и я уловила едва заметный, терпко-свежий аромат. Запах Джона?..

— Сначала оближи, — вкрадчивым, но одновременно повелительным тоном произнёс брат, наклонившись надо мной и упёршись ладонью в спинку дивана.

Ногу он поставил рядом, на сиденье, и даже если бы я захотела, убежать не смогла бы, словно заключённая сейчас в клетку. Убежать... Я не хотела. Уже не хотела. Вместо этого послушно дотронулась языком до кончика орудия Джонаса, обвела вокруг, слизывая сладковатый, с яблочными нотками, вкус. Услышала резкий вдох и поймала себя на том, что довольно улыбаюсь. Странное ощущение одновременно и беспомощности, покорной игрушки, и — некоторой власти над Джоном пьянило, толкало на безумства, сопротивляться которым у меня не осталось сил. Как и впадать в отчаяние от того, как быстро я приняла навязанные правила и... стала такой, какой меня хотели видеть жених и сводный брат. Доступной, послушной и с радостью выполняющей любые их желания. В самом деле любые, осознала я, когда тяжёлая ладонь Джонаса легла на мой затылок, собрав волосы в кулак и не позволяя двинуть головой самостоятельно. Только под его контролем.

— Теперь губками, Мар-ри, — новые, рокошующие нотки в голосе Джона усилили дрожь в теле, и я подчинилась, чуть подавшись вперёд, навстречу уже влажной от моего языка головке.

Осторожно обхватила губами, слегка втянула, посасывая и чувствуя, как сильнее сжались пальцы на моих волосах. Джонас тихо зашипел, толкнувшись в мой рот, и я с готовностью открыла его шире, впуская твёрдый и горячий член дальше, почти до самого горла. И теперь уже не хотелось избавиться от него, и сопротивляться вторжению — тоже... Взгляд Джона завораживал, заставлял трепетать всё внутри, а нервы — тихонечко звенеть от напряжения. Он крепко держал мои волосы одной рукой, а второй ухватил за подбородок, жёстко сжав и лишая возможности даже случайно закрыть рот. Но я и не собиралась, нет. Лишь судорожно сглотнула, с удивлением прислушавшись к себе и поняв, что никаких возражений моё тело не имеет, даже когда Джонас продвинулся почти на всю длину, заполнив мой рот. И — да, да, мне это нравилось, ещё как. Тёмное, пряное ликование разливалось отравленным сиропом, оно же заставило слегка выгнуться и сжать губы вокруг члена Джона и пошевелить языком. Всё, что я могла сейчас, когда брат контролировал каждый мой жест.

— У-у-умница, — протянул он и начал медленно выходить из моего рта, а потом обвёл приоткрытые губы концом.

Я... Я не знаю, зачем сделала это: высунула язык и игриво лизнула, каким-то образом почувствовав, что Джону это тоже понравится. Он резко вздохнул, его ноздри хищно расширились, а глаза полыхнули золотым пожаром с рубиновым отливом. И снова напряжённая плоть заскользила в мой рот, мучительно медленно, словно растягивая пытку удовольствием. Для меня в том числе. Возбуждение плескалось горячими волнами внизу живота, одаривая знакомой тягучей болью, хотелось, чтобы Джон двигался быстрее, резче — как Джеффри утром... От воспоминаний тело словно молния пронзила, у меня вырвался глухой стон, а в глазах на мгновение помутилось. Кажется, я готова была к разрядке и без прикосновений и ласк, от одних только мыслей о них. От картинок в голове, совпадавших с тем, что сейчас происходило со мной. А Джон не торопился. Он брал мой рот медленно, почти нежно, давая мне возможность тоже... поиграть. Губами, языком. Позволял чуть подаваться вперёд, ослабив хватку на затылке, посасывать, шалея от собственной распушенности. Я упивалась этими ощущениями, эмоциями, прикрыв глаза и погрузившись в смакование, молча умоляя Джона двигаться быстрее, сильнее. Боже мой, мне *хотелось*, чтобы он именно трахнул мой рот. Грубо, жёстко, так же, как Джеффри утром. А потом сделал это снова со мной, и всё равно, как обычно, или... Сзади, как им обоим нравится.

Из горла вырвался глухой стон, закончившийся всхлипом. Острый приступ вожделения пронзил до самых пяток, заставил выгнуться, отчего бусины между ног нежно потёрлись о шелковистую плоть, красноречиво мокрую. И Джон словно угадал мои мысли. Хрипло выдохнув, он сильно оттянул мою голову, и толчки стали резче, глубже, посылая волны восторга по всему телу. Хмельная радость растекалась жаркими ручейками, мешаясь со страстью, я сама дышала тяжело, неровно, с дрожью ожидая, когда же... Когда... Джонас вдруг низко зарычал, нависнув надо мной, золото в его глазах почти полностью приобрело отчётливо красный цвет, но меня это уже не пугало, нет. Очередной выпад, особо сильный, и гладкая головка упёрлась мне в горло, заставив вобрать каменно-твёрдый член до конца. Едва мышцы невольно сократились с непривычки, как рычание Джона перешло в тягучий стон, наполненный облегчением и блаженством. Ладонь на затылке крепко удерживала мою голову, и Джонас излился в мой рот.

Я жадно глотала густую, пряную жидкость с лёгким привкусом яблока и свежести, и лишь на самой границе сознания мелькнула смутная мысль, что этот вкус мне что-то напоминает. Мой язык ловил последние капли, губы скользили по обмякшему достоинству Джона, высасывая до конца, и по дрожавшему от напряжения телу разливалось странное удовлетворение. Брат отстранился, не сводя с меня взгляда, и его пальцы теперь уже нежно зарылись в мои волосы, тихонько поглаживая.

— В который раз убеждаюсь, что не ошибся, выбрав тебя, Мари-и, — произнёс он странную фразу и сыто улыбнулся. — Ты идеальная любовница, малышка, — Джон улыбнулся шире, убрал руку и поправил беспорядок в своей одежде. — Нежная, страстная, и, оказывается, под невинностью скрывалось столько порока, м-м-м, — протянул брат, и я испытала разочарование, поняв, что он не собирается продолжать и подарить мне сладкое освобождение.

По крайней мере, не своим членом. Немного хрипло дыша, я невольно облизнулась, готовая снова просить и умолять, иначе сойду с ума от бушевавшего внутри пожара. Или... Или если он не хочет, я же и сама могу... Ведь мне разрешат, правда? Я только набрала

воздуха, чтобы озвучить свои неприличные мысли, как вдруг за спиной Джонаса раздались медленные хлопки, и я невольно вздрогнула. На миг кольнул страх и замешательство, а потом раздался знакомый голос:

— Как жарко, однако. Смотрю, моя невеста тут не скучала совсем, да, любовь моя?

К дивану подошёл Джеффри, лениво улыбаясь, и окинул меня медленным взглядом, от которого низ живота скрутило особенно сильно, и я чуть не застонала в голос.

— Прежде, чем продолжим, у меня маленький сюрприз для тебя, Мари, — буквально мурлыкнул Джефф, нагнувшись и ухватив меня за руку, и поднял с дивана.

Не знаю, почему, но от его слов по спине словно провели кусочком льда. Хотя, чего уже бояться? Новых граней разврата, которые собирались показать мне? Смешно, право. Однако я ошибалась, и следующие слова Джеффри вызвали волну паники, почти полностью смывшую вожделение и притушившую полыхавший костёр страсти.

— Я привёз священника, любимая. Свадьба будет сегодня, сейчас, — сообщил Джеффри проникновенно, притянув к себе и поцеловав мои безвольные, приоткрытые губы. — Пойдём готовиться, Мари-и?

Свадьба. Всего неделю назад у меня при этом слове внутри всё сладко замирало, а сердце грозило обернуться птичкой и выпорхнуть из груди. Теперь... Господи, я не хотела замуж за Джеффри! Всё во мне буквально съёжилось от ужаса от одной только мысли, что я стану женой Джеффа. Не знаю, почему, но зрела уверенность, что если позволю надеть себе на палец кольцо, никогда не вырвусь из того кошмара, что происходил со мной. Порочного, притягательного, сопротивляться которому у меня просто не оставалось сил... Но что я могла сделать?

— С-свадьба?.. — проговорила пересохшими губами, глядя на Джеффа широко раскрытыми глазами. — А как же гости, платье? — беспомощно пробормотала я в жалкой попытке отодвинуть неизбежное.

— Гости будут, Мари, обязательно, — уверил жених и легко подхватил на руки, направившись к выходу из гостиной. — Только позже. А платье я тебе приготовил, любовь моя, не переживай.

Он в самом деле всё продумал, с тоской поняла я. Вернулось отчаяние, но какое-то глухое, вялое. После первой вспышки эмоции улеглись, затихли, и только по спине время от времени пробегала холодная дрожь. Я смотрела перед собой, пока Джефф нёс меня к знакомой спальне, и изо всех сил старалась не расплакаться. Тихонько сглотнула ком в горле, и лишь прерывисто вздохнула. Я могу попытаться убежать, да. Могу возразить, что не хочу. Могу кричать и отбиваться... Я знала, что Джеффри в таком случае свяжет меня по рукам и ногам и в таком виде принесёт в маленькую домашнюю церковь. Не знаю, кто он и Джонас на самом деле, демоны ли, или кто-то ещё, но, видимо, святые места на них не действовали, как должны бы на нечисть. Иначе Джефф не говорил бы про священника.

Между тем, мы пришли в спальню — мельком глянув на кровать, я заметила, что она ещё не прибрана. Значит, слуги сюда не поднимались. Слабое облегчение немного помогло прийти в себя: никто не слышал, как я кричала в кабинете Джона... На скомканном покрывале лежала плоская коробка, перевязанная лентой, и к ней направился Джонас. Джефф же, поставив на пол, развязал руки и избавил от пеньюара, небрежно бросив его на пол, потом начал снимать с меня корсаж и чулки.

— Ты будешь в белом, любовь моя, как и полагается невесте, — с нежностью произнёс он, распуская шнуровку и мимолётно огладив мою грудь.

Я несильно вздрогнула и у меня едва не вырвался горький смешок: а у Джеффри есть чувство юмора. Невеста, которая не заслуживает белого цвета, и чьё развратное тело вообще не имеет права находиться в церкви. Но я там буду, и именно в белом, как поняла спустя мгновение, оставшись обнажённой. Даже не пытаюсь прикрыться — смущения жадный взгляд Джеффа, скользнувший по мне, уже не вызывал, — я смотрела, как Джонас аккуратно вынимает из коробки нечто воздушное, белоснежное и кружевное. Мой свадебный наряд. Джеффри обошёл меня и остановился за спиной, его ладони скользнули на грудь, приподняли полушария. Большие пальцы несколько раз обвели соски, заставив их тут же напрячься, и я задышала чаще, не сводя глаз с наряда в руках Джонаса. Возбуждение, неудовлетворённое желание затаились внутри и словно только ждали сигнала, и едва жених прикоснулся ко мне, осыпали тело огненными вспышками. Недавний страх перед предстоящей свадьбой схлынул, спрятался глубоко внутри, лишь изредка покусывая.

— Подними руки, любовь моя, — повелительно сказал Джефф, когда брат остановился передо мной и расправил платье.

В самом деле из тончайшего кружева, похожего на паутинку, с завышенной талией и — шнуровкой из шёлковой ленты спереди. Юбка состояла из нескольких слоёв ткани, к моему облегчению, потому как белья мне, конечно, не предложили. Я помнила слова Джеффри утром, что или я ношу платья на голое тело, или — хожу без них, но в нижнем белье. Опустив глаза, я послушно подняла руки, позволив кружеву невесомо скользнуть по телу, мягко обнять. Всё впечатление от на удивление скромного круглого выреза портила та самая шнуровка. И отсутствие корсета под платьем. Джонас с сосредоточенным видом аккуратно стянул тонкие шёлковые ленточки, так, что кружево плотно облегалось грудь. А Джеффри, по-прежнему стоя за моей спиной, продолжал поглаживать соски уже через ткань, так, что они вызывающе торчали, нарушая образ целомудренной невесты. Боже, мы же в церкви будем, и... и меня увидит священник... Я задыхнулась от вспыхнувшего стыда, перемешавшегося с жаром проснувшейся страсти и перехватила запястья Джеффа, попытавшись отвести его руки. Конечно, не получилось, мои пальцы легко стряхнули и в свою очередь, теперь жених держал меня, пока Джонас наклонялся и... Его губы сомкнулись на вершинке, увлажнив ткань, сначала на одной, потом на второй.

— Что такое, Мари? — шепнул Джефф, продолжая удерживать мои руки, и теперь уже его губы коснулись шеи чуть ниже уха. — Я просто хочу, чтобы твоё желание выйти за меня замуж выражалось не только в счастливой улыбке, — мурлыкнул он, пока язык Джона продолжал дразнить мои соски, заставляя их ещё сильнее выступать под тканью.

А контраст между мокрым кружевом и прохладным воздухом добавлял ощущений, делая темневшие вершинки ещё чувствительнее. Я прикусила губу и прерывисто вздохнула, комната перед глазами чуть расплылась — на ресницах повисли слезинки. Закралось подозрение, а настоящий ли священник, тот, кого привёз Джеффри. Я сомневалась, что он или Джонас станут так рисковать и показывать кому-то из посторонних, что на самом деле происходит в этом доме. Но если не настоящий, то к чему этот фарс?! Неужели Джефф всерьёз полагает появляться со мной в обществе, хотя бы изредка? Мне хватило сообразительности понять, что после всего, что произошло со вчерашнего вечера, я не выйду за порог этого дома, мне просто не позволят. Даже в сопровождении Джеффри или Джонаса. По крайней мере, не в ближайшее время, пока я окончательно не смирилась со своим положением.

— Ну вот, — Джон наконец отстранился, а Джефф опустил мои руки, не разжав пальцев на запястье. — Теперь можно идти, — он усмехнулся, окинув меня довольным взглядом. — Ты готова, малышка.

Да, в самом деле, я была готова... Во всех смыслах. Сбившееся дыхание, жар внизу живота, налившаяся тяжестью и болезненной истомой грудь. Во мне опять проснулось желание, туманившее разум и приглушавшее все остальные эмоции. В том числе и отчаянное нежелание идти куда-то с Джеффри в таком виде. Но — я сделала шаг, потом ещё один, и ещё, ощущая руку жениха на талии. Джонас шёл впереди. Краем сознания отметила, что иду босиком, даже без домашних туфель. Однако Джеффри проявил заботу по-своему: едва мы вышли из спальни, он просто взял меня на руки и направился к лестнице.

— Я прикажу прибрать спальню, пока нас не будет, — небрежно бросил Джонас, оглянувшись через плечо.

Мне казалось, дом вымер. На первом этаже, пока мы шли к входу в домашнюю церковь,

нам не встретился никто из слуг. Джон ненадолго оставил нас, свернув по пути в крыло, где жили горничные, и вернулся к нам, когда Джеффри уже переступал порог церкви. На какую-то долю мгновений я невольно напряглась, ожидая удара молнии, или что жених начнёт хоть как-то реагировать на нахождение в святом месте, но... Ничего не произошло. Как и с Джоном. Они просто шли по неширокому проходу между рядов скамеек, я по-прежнему находилась на руках Джеффри. Шаги гулко разносились под сводами, а я никак не могла поверить, что всё происходит на самом деле.

У алтаря ждал священник. По виду — обычный, в чёрной сутане с белым воротничком. Я жадно вглядывалась в его непроницаемое лицо, пыталась поймать взгляд, вдруг вспыхнула безумная надежда, что он поймёт, что со мной что-то не так, что вся эта свадьба — фарс. Догадается, что мне нужна помощь! Но... Когда он посмотрел всё же на меня, внутри всё упало, и надежда угасла. Равнодушные глаза лишь скользнули по мне, пока Джеффри ставил перед алтарём, и остановились на женихе.

— Начинайте, — с улыбкой кивнул Джефф, крепко сжав мою ладонь.

Джонас стоял позади, как свидетель, и я всей спиной ощущала его присутствие. Больших трудов стоило не ёжиться и не передёргивать плечами, а ещё, сдерживаться, чтобы не прикрыться. Хотя священник, кажется, и не заметил ни откровенности моего наряда, ни бесстыдно торчавших под кружевом сосков. Он откашлялся, переплёл пальцы и пробубнил:

— Мы собрались здесь, дабы засвидетельствовать брак между этими людьми, — тут я едва не рассмеялась, но сдержалась: это было бы слишком похоже на истерику. Из людей здесь была только я... и может быть, сам священник. — Джеффри Линс, добровольно ли ты берёшь в жёны девицу Мариэль Интари?

Девица. Ещё один повод для веселья, бившегося в груди. Эти маленькие нелепости добавляли гротеска происходящему, и я всё ещё не верила, что в самом деле стану женой Джеффри.

— Да, святой отец, — твёрдо ответил жених.

— Девица Мариэль Интари, добровольно ли ты берёшь в мужа Джеффри Линса? — теперь священник обращался ко мне, со скучающим видом глядя куда-то за мою спину.

В груди сдавило, а горло сжал спазм, и на несколько мгновений дар речи отказал, такая сильная вдруг накатила паника. Джефф вдруг сильно стиснул мои пальцы, чуть повернув голову и посмотрев на меня. В его взгляде читалось предупреждение, хотя голос был мягким и нежным, когда жених заговорил:

— Мари, любовь моя, ну что ты так разволновалась? — он заботливым жестом убрал упавшую на щеку прядь волос. А потом достал из кармана камзола квадратную бархатную коробочку и улыбнулся. — Мы ведь любим друг друга, правда?

— Д-да, — пересохшими губами выговорила я, и этого священнику хватило.

— Обменяйтесь кольцами, — кивнул он, и Джефф открыл футляр.

Два простых ободка из обычного золота, один побольше, другой поменьше. Ни украшений, ни гравировки. Шевельнулось смутное беспокойство, но моя дрожащая рука уже потянулась к украшению. Я словно наблюдала за собой со стороны, как вынимаю кольцо, поворачиваюсь к Джеффри, надеваю ему на безымянный палец... Потом он вынул предназначенное мне, взял мою безвольную ладонь, и золотой ободок легко скользнул на положенное место.

— Объявляю вас мужем и женой, — похоронным звоном прозвучали слова священника, и неожиданно основание пальца закололи сотни невидимых иголок, так, что я чуть не

вскрикнула. — Можете поцеловать супругу, — милостиво разрешил священник и отвернулся, словно дальнейшее его не интересовало вообще.

— Благодарю, святой отец! — с чувством произнёс Джеффри, потом притянул меня к себе и запечатал рот поцелуем.

Долгим, глубоким и далёким от целомудренного. Его язык раздвинул губы, проник в мой рот, ладони легли на попку, прижимая к себе и давая почувствовать, что Джефф готов не только к поцелуям. Когда и как ушёл священник, я так и не поняла, в голове испуганной птицей билась единственная мысль: я теперь жена. Но за кого я вышла замуж?! И что со мной будет дальше?.. Сколько длился поцелуй, выпивающий моё дыхание, я тоже не знала, просто, когда закончился воздух в груди, Джеффри наконец оторвался от моих дрожащих губ и склонился к уху:

— Ну что, любимая супруга, расскажешь, какими шалостями вы тут занимались с Джонасом, пока я организовывал нашу свадьбу? — вкрадчиво спросил Джефф. — А потом подумаем, как тебя наказать, м-м?

Я вздрогнула, прикрыв глаза и сглотнув горький ком, а потом как-то разом расслабилась, обмякнув в объятиях... мужа.

— Да, Джеффри, — покорно пробормотала и кивнула. — Расскажу.

Кольцо, связавшее меня с ним, не снималось. Я попыталась украдкой стащить украшение с пальца, сама не знаю, зачем, но — не смогла. Оно довольно свободно держалось, однако снять его не получалось. А в следующий момент я оказалась снова на руках у Джеффри, и он быстрым шагом направился к выходу из церкви

— Я весь в предвкушении, жена моя, — мурлыкнул он, прижав меня крепче.

А шедший позади нас Джонас тоже улыбался, многозначительно и широко. Я поняла, что моя брачная ночь начнётся прямо сейчас, в середине дня, и будет очень... длинной. Хотя, Джеффри говорил что-то о гостях?

Больше книг на сайте - Knigolub.net